

USS.

9

2

P.O. Russ. 79^v/2

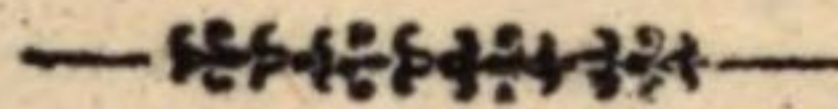
P. o. russ. 79^{1/2}

in Paginierung Fehler
d. orig.!

ИМПЕРИЗЪ-КАЙСАВЪ.

с. 1. = ad
in 2. Aufl.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ II.

.... Il était du monde, où les plus belles choses
Ont le pire destin.
Malherbe.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Театрѣ.
1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпля-
ра. Москва, 1830 года, Ноября 8 дня.

Ценсоръ *Сергей Аксаковъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

FgT/82/4540

КИРГИЗЪ-КАЙСАКЪ.

ГЛАВА I.

С Т Е П Ъ.

Правду сказалъ Графъ Рѣшимовъ. Блаженствомъ человека можетъ назваться только ожиданіе, а не обладаніе желаемымъ предметомъ. Достиженіе цѣли, разрушаетъ всѣ мечты, и безпрепятственное наслажденіе, изъ блаженства превращается въ нѣчто обыкновенное, привычное, даже необходимое для жизни, какъ воздухъ для дышащаго существа. — Отсрочивши бракъ своей дочери, Князь Любскій, какъ будто въ рай помѣстилъ и Софію и обожателя ея. Они блаженство-

Часть II.

вали въ полномъ смыслѣ! Во взаимныхъ сношеніяхъ не было никакихъ препятствій. Имъ дозволено было любить другъ друга, а ожиданіе будущаго счастія болѣе и болѣе возжигало пламень ихъ взаимной, непорочной страсти. Оба любящіеся горѣли желаніемъ соединиться. Но какъ соединиться? Имъ почти хотѣлось умереть въ одну и ту же минуту, и слѣпившись душами, воспрянуть въ неизвѣстное смертнымъ вишайше безсмертныхъ, и тамъ — любить, любить и любить! Кого же любить? Всѣхъ, всѣхъ! все то, что предвѣчная любовь создала, и блаженствовать вѣчно, вѣчно!...

«Скажи, мой другъ, говорила Софія своему жениху, почему на землѣ блаженство не бываетъ ни прочно, ни продолжительно?» —

Безпрерывное блаженство не досталось въ удѣлъ временной жизни, опивчалъ Славинъ. Мы можемъ имъ пользоваться изрѣдка и въ скоропреходящій срокъ. Это не мѣшаетъ намъ жить спокойно и счастливо.—»Мнѣ кажется, мой другъ, что въ спокойствіи-то и состоишь все блаженство.» — О нѣтъ, милая Софія! совсѣмъ напрошивъ. Спокойствіе есть не иное что, какъ равнодушіе, сонъ, оцѣпенѣніе всѣхъ спрасшей. Блаженство требуетъ дѣятельности, безпокойства, даже мученій, которыя усиливаютъ оное и доставляютъ тѣмъ новыхъ наслажденій. Блаженство должно безпрестанно возобновляться въ другомъ видѣ. Иначе оно скоро прекращается. — «Я не понимаю твоей философіи, мой другъ!» — Если бы я могъ открыть тебѣ мою

душу; если бы мнѣ дозволено было ясно показатъ тебѣ все то, что чувствуешь мое сердце, когда я теперь, въ эту минуту, сижу возлѣ тебя, держу твою руку, зная, что она будетъ мнѣ принадлежать, такъ какъ сердце твое уже мнѣ принадлежитъ; если бы ты увидѣла весь этотъ хаосъ восхитеній, надеждъ, опасеній, мечтаній, сладостныхъ ощущеній; если бы ты видѣла это броженіе разнородныхъ веществъ, составляющихъ любовь: тогда ты имѣла бы понятіе о блаженствѣ счастливаго любовника. — «Воля твоя, мой другъ! ты мнѣ говоришь такимъ ученымъ языкомъ, что я ничего не могу сообразить. Любовь и блаженство ты составляешь изъ какихъ-то разнородныхъ веществъ, и въ этомъ составѣ вмѣшиваешь

опасеніе. Мнѣ кажется, въ любви, опасенія должны порождать или ревность или мученіе. Какое же тушь блаженство?» — Такъ ты, мой Ангелъ, живо сказалъ Славинъ, не находишь удовольствія въ этихъ помненіяхъ любви? — «Ни малѣйшаго. Я хочу любить и быть любимой, безъ всякихъ мученій и опасеній, которыя ты, не знаю почему, приплелъ къ блаженству.» — Эши мученія, эши опасенія, милая Софья, можно уподобить горькому перцу, который придаетъ болѣе вкуса лакомому блюду. — «Ха! ха! ха! ха! Нѣтъ, Викпоръ, извини! Твоя ученость такъ смѣшна, что не повѣришь! Ха! ха! ха! — Блаженство любви онъ приправляетъ перцомъ! ха! ха! ха! ха!» — Винаешь ли я въ томъ, что не могъ найши лучшаго уподобленія? Я хо-

тѣль тебѣ пояснить.... — «Постой, мой другъ! Я тебѣ открою одну тайну, и ты увидишь самъ, что у тебя умъ за разумъ зашелъ, съ твоимъ блаженствомъ съ перцомъ. Ха! ха! ха! Скажи, писалъ ли ты изъ Москвы, къ своему другу, какому-то Филарету?» — Писалъ! отвѣчалъ изумленный Славинъ. — «Эпо письмо нечаянно попало мнѣ въ руки. Видишь, какъ я ошкровна? Оно поселило во мнѣ желаніе узнать того человека, которому я понравилась. Въ этомъ письмѣ, ты не выспавилъ своего имени. Однако я тебя отыскала, узнала корешко и согласилась быть твоею. Не ты ли писалъ къ другу своему, что истинная любовь бываетъ спокойна, безъ поски, безъ мученій и безъ твоего перца? А? что скажешь мой Азіятецъ?»

Съ сими словами Софья ухватила своего жениха за бакенбаршу и нѣжно поцѣловала въ щеку. Славинъ, сжавши пальчики милой Княжны, приложилъ ихъ къ устамъ. — «А! моя прелестная плутовка, сказалъ онъ. Такъ ты меня обманывала? Вотъ и поясненіе Екашерингофской ссоры!... Я думалъ, думалъ и никакъ не могъ угадать, почему тебѣ извѣсны были мои сужденія о Московскихъ барышняхъ и о Полькахъ?» — Не объ этомъ дѣло. Отвѣчай мнѣ на мой вопросъ. — «Правда, милая Софья, точно правда, что влюбившись въ тебя при первой встрѣчѣ, безъ надежды, безъ всякихъ замысловъ, если угодно — безъ перца, я дѣйствительно не зналъ ни мученій, ни шомленій. Если поваренное сравненіе тебя смѣшишь, то я опыщу дру-

тое. Моя первая любовь гъ тебѣ была подобна звучному и стройному аккорду Увертюры; за нимъ послѣдовало спокойное адажіо, а потомъ.... Allegro con brio, суматоха моего сердечнаго оркестра, безъ кошпорого не можешь быть ни выразительности, ни мелодіи, ни гармоніи, ни всего того, что составляетъ прелесть музыкальнаго произведенія. Тоняла ли ты?» — Почти ничего, и мнѣ кажется, что ты бредишь. Всѣ твои музыкальныя сравненія и твой перецъ, опшывающіеся чѣмъ-то романическимъ....

»Что что? громко закричалъ Графъ Рѣшимовъ, сидѣвшій за виспомъ въ диванной, прошивъ дверей.

— Письмо къ Виктору Ипполитовичу, оповѣчалъ слуга, вошедшій въ гостиную, и Графъ опять занялся игрою.

»Опѣ кого? спросилъ Славинъ.«

— Вашъ человекъ принесъ.—Славинъ взялъ письмо. Съ прѣмѣ печашами, изъ Оренбурга, адресъ написанъ сестрою, внизу выпавлено крупными буквами: *очень нужное*. Сердце зашептало у Славина. Онъ сорвалъ конвертъ и съ неизъяснимымъ смятеніемъ прочиталъ письмо. «Вошѣ! сказалъ онъ наконецъ, подавая Софѣ роковую бумагу. Вошѣ каковы наши провинціалки! Я блаженствовалъ, и родная сестра, любимая мною до не-
льзя, распроила все мое блаженство.»—Что такое случилось? спросила Княжна. — «Прочти, мой Ангелъ.»

Съ безпокойнымъ видомъ начала Софѣа чишать.... »Ну, что же, мой другъ? Это поздравленіе съ помолвкою и желаніе всѣхъ благъ?«—Про-

чишай на оборотъ! — Софья прочишала. — »Я не понимаю, сказала она...» Я также не понимаю, и пѣмъ не менѣе я уже озабоченъ и даже разсшроенъ. Всѣ эти выраженія: нужно поговоpишь, надобно pазска-зашь по секрету, должно откpышь важную шайну — все это для меня какъ иголки въ сердце! Что за таинственностъ? Непремѣнно пріѣзжай въ Оренбургъ и узнай завѣщаніе покойнаго батюшки!... Какое завѣщаніе? И слово: *непремѣнно*, подчеркнуто? И что за важная тайна, касающаяся до меня? — «И, мой другъ, сказала Софья. Ты видишь изъ письма, что сестрица твоя сама хотѣла пріѣхать въ Петербургъ, но ея положеніе не позволяешъ ей... Можешъ бытъ, вся важная тайна состоитъ въ томъ, чтобы ты былъ крестнымъ отъ-

цсмъ ея новорожденнаго, и для того она вызываешъ тебя заблаговременно, и дружески шутить съ тобою, заспрашивая какими-то шайнами.» — Нѣтъ, мой Ангелъ! сказалъ Славинъ съ сомнѣніемъ, повертывая голову на право и на лѣво; это не то!... Буду просить объ отпускѣ; узнаю, что за шайна и какъ можно скорѣе прекращу это мучительное недоумѣніе! — »Откуда взялись у тебя мученія? Ты, какъ я вижу, любопытнѣе женщины. Успокойся, мой другъ! Самъ же ты хотѣлъ, чтобъ твое благополучіе было приправлено горькимъ перцомъ. Вотъ тебѣ и перецъ!» При сихъ словахъ Княжна захохотала и нѣжно поцѣловала своего друга. »Ахъ, милая Софья! отвѣчалъ Викторъ съ улыбкою; это не перецъ, а что-то похожее на горчицу!... —

Музыка нѣсколько развеселила мрачныя мысли испуганнаго любовника.

Пріѣхавши домой, Славинъ долго не ложился спать. Расхаживая изъ угла въ уголъ по всѣмъ комнатамъ своей квартиры, онъ старался угадать, въ чемъ состоить эта несчастная тайна, какъ будто предвѣщающая совершенное уничтоженіе его блаженства? До сихъ поръ привѣтствовали его удачи въ важнѣйшемъ событіи для смертнаго. Случайно нашелъ онъ подружку милую, рѣзвую, живую, умную, добрую и снрасно его любящую. Нельзя не сознаться въ томъ, что подобная находка есть высочайшая степень благополучія!... Родитель этого Ангела, будущій теснъ — глуповатъ! Но развѣ это помѣха счастью дочери? Князь Любскій, не

смотря на ограниченность своих умственных способностей — въ пяти недѣльное знакомство, такъ полюбилъ Славина, что даже удостоилъ его дружескаго: ты, въ разговорахъ, и называлъ его не иначе, какъ: мой другъ, или mon bon ami. Извѣстно было и то, что онъ не рѣдко говорилъ Графу Рѣшимову: »Право, я полюбилъ душевно жениха моей Софьи. Оплочный молодой человекъ!» — Справный женихъ, угодный невѣстѣ, будущему плесню, всѣмъ роднымъ и знакомымъ — долженъ находиться на высшей ступкѣ блаженства! И кѣно же помѣхою этому счастью? Родная сестра, любимая и даже обожаемая; сестра, которая заставила своего брата, въ юныхъ лѣтахъ, выдержатъ сильную горячку, опечаливши его своею опчаянною болѣзнію;

сестра, которая при замужествѣ своемъ получила отъ нѣжно-любящаго брата подарокъ въ двадцать тысячъ; сестра, которая цѣловала руку, подносящую ей ломбардный билетъ и сама была лобызема добрымъ братомъ, проливающимъ слезы радости!... Неужели эта умная, эта милая Евгенія Ипполишовна, которую Викторъ такъ исправно посѣщалъ въ Инспиритъ — эта добрая сестра, захопѣла немѣстною мистификаціею попревожипъ милаго брата? Не можетъ быть! Есть тайна, и тайна, по видимому ужасная!...

Въ первыхъ числахъ Сентября. Славинъ отправился въ Москву. «Мы расстаемся на три мѣсяца, говорилъ онъ княжнѣ, предъ отъѣздомъ. Ты по видимому угадала, мой Ангелъ! Сестра любишь меня едва

ли не болѣе, нежели своего мужа и дѣшей. Она желаетъ меня видѣшь и хочетъ, чшобы я креспилъ моего будущаго племянника или племянницу. Не пиши ко мнѣ, милая Софья! при мѣсяца разлуки, доспавяшь намъ минушу свиданія, блаженную.... безъ перца и безъ горчицы!

Такъ утѣшалъ онъ Софью, но самъ ѣхалъ съ какимъ-шо непреодолимымъ ужасомъ. Напрасно спарался онъ приписать оный своему природному, слишкомъ живому любопытству, сему источнику его обширныхъ познаній. Умъ отпказывался отъ этого безпокойства, а сердце говорило, что оно находится въ весьма запруднительномъ положеніи!.... По пріѣздѣ въ Москву, Славинъ былъ обязанъ погоспитъ нѣсколько дней у доброй Федосьи Ан-

дреевны. Спарушка была въ своей подмосковной, изъ коей обыкновенно возвращалась послѣ Покрова Богородицы, дня храмоваго праздника ея села. Хотя листья начинали уже желтѣть, но погода была теплая и ясная. Охотно отправился Славинъ, изъ шумной столицы, на живописные берега Истры, въ деревню Федосьи Андреевны. Спускался по прекрасному проспекту, съ оплогой возвышенности, вдали за-видѣлъ онъ домъ съ балкономъ, на коемъ мелькали бѣлыя плаща, собравшихся дамъ и дѣвицъ. Дикіе крики павлиновъ и пронзительный лай шавокъ, привѣстивовали его при въѣздѣ въ ворота. Федосья Андреевна, опершись на клюку, съ примѣшнымъ любопытствомъ старалась издали узнать посетителя ея скромнаго жилища. »Мирная де-

ревня! мысленно сказалъ Славинъ, ты по видимому не досягаема для урагановъ пылкихъ спраспей! Счастливы твои обитатели!....»—Лишь только выскочилъ онъ изъ коляски, Федосья Андреевна ухватила его за обѣ щеки, и цѣлуя въ лобъ, съ радостными слезами говорила: «Здравствуй, мой милый другъ! здравствуй, дорогой женихъ! Ты вспомнилъ о спарухѣ! Ты навѣспилъ меня! Какъ будто съ неба упалъ! и проч.» Съ другой стороны повисъ на шею новопріѣзжаго щопъ самый прелестный мальчикъ, въ которомъ узнавалъ онъ свою Софью; у ногъ Славина вертѣлся дородный Азоръ, и помахивая хвостомъ, радостнымъ визгомъ, казалось, спарался доказать гостю, что онъ узналъ его, по испеченіи цѣлаго года, съ того времени, какъ Славинъ его

ласкалъ и кормилъ изъ своихъ рукъ. Введенный въ комнаты, Славинъ былъ встрѣченъ всѣми служителями, подходившими къ нему съ просьбою: пожаловать ручку. Настоятельница всѣхъ по сему предмету была маленькой казачекъ Пепруша, кошорому въ 1826 году привозилъ онъ опѣ бывшихъ въ Москвѣ Герцоговъ и Посланниковъ госпитальныя, состоящія изъ гривенниковъ и серебряныхъ пятакъ. Наконецъ подвели къ нему Машу, любимицу миниатюрнаго Виктора. Младенецъ, поднявши ручки, закричалъ: дядя!... Это радостіе, это госпитальное сильно подѣйствовало на Славина. Онъ забылъ на минушу и блаженство, приправленное перцомъ, и важную Оренбургскую тайну, и даже — Софію. Онъ былъ спокоенъ и счастливъ! И шочно счастливъ!

Тамъ — гдѣ живущіе вполнѣ наслаждающія своимъ существованіемъ и любящія ближняго, какъ брата, дарованнаго общимъ Опцемъ, тамъ — гдѣ въ спокойномъ и безмятежномъ быту, довольные дарами природы, съ радостью бѣгутъ на встрѣчу пришельцамъ изъ суевливаго большаго свѣта и приглашающія его раздѣлить всѣ удовольствія жизни умѣренной; тамъ — узнающія цѣну благоспий Создавшаго насъ, а едва ли не въ этомъ познаніи заключаеися все земное счастіе. Перенесшись въ эту сферу, дышащая однимъ воздухомъ съ тѣми, которые спокойны и счастливы — значить раздѣлять ихъ благополучіе и пользоваться онымъ, къ сожалѣнію — не долго! Такимъ-то образомъ, упомянутый пупникъ, нашедшій радушный пріютъ въ ук-

ромномъ жилищѣ, забываетъ на минушу всѣ трудности своего спранспованія и вполнѣ наслаждается годиною крапкого опдохновенія!....

»Подайте скорѣе водку и закуску.» Таковъ былъ первый приказъ Федосьи Андреевны.—Усадили дорогого гостя за столъ; непременно требовали, чшобы онъ покушалъ или хотя отвѣдалъ шого и другаго; и угощаемый такимъ образомъ Славинъ, сидѣлъ на диванѣ какъ Азіатскій владыка, окруженный покорною толпою услужливыхъ придворныхъ, потому что всѣ дамы усѣлись по кресламъ и безмолвствовали, вперя взоры на Петербургскаго пришельца, а изъ столовой и изъ спальни выглядывала, въ полурастворенныя двери, вся дворня доброй хозяйки. »На меня смотрятъ какъ на замор-

скаго звѣря, думалъ Славинъ. Это отъзывается незнаніемъ свѣтскихъ приличій, а вмѣстѣ съ тѣмъ трюшюю нравовъ и счасіемъ спокойной сельской жизни. Эти люди, вѣроятно, не имѣютъ понятія о истинномъ блаженствѣ.... »приправленномъ горькимъ, разжигающимъ перцомъ?» какъ будто спросилъ невидимый духъ мечтателя. При сей мысли, Славинъ очнулся, поцѣловалъ руку сидѣвшей возлѣ него хозяйки и вспалъ изъ-за сполы. »Мнѣ съ тобой нужно поговорить, мой другъ, сказала Федосья Андреевна, и повела гостя въ спальню.»

Опять это несносное: нужно поговорить! Еще шайны!.... Въ спальнѣ споры были опущены, а лампада, горѣвшая предъ большимъ иконостасомъ, разливала по комнатамъ слабый, какъ будто шайншвен-

ный свѣтъ. Усердно помолившись, Федосья Андреевна отворила стеклянную дверцу иконостаса, и вынувши изъ онаго образъ Пречистой Дѣвы, въ богатомъ золотомъ окладѣ съ алмазнымъ вѣнцомъ, обратилась къ Славину. »Викторъ Ипполиповичъ, сказала она. Этою иконою благословила меня, предъ моимъ замужствомъ, покойная тещушка Софья Пепровна, поступившая въ монахини. Этимъ же образомъ, я благословляю соименную ей твою невѣсту. Даруй Господь вамъ счастье!... Любите другъ друга, наслаждайтесь жизнью и благами земными; если постигнетъ васъ бѣдствіе, то мужественно ихъ переносите и покоряйтесь волю Провидѣнія, и проч.»

Всѣ эти увѣщанія были слишкомъ обыкновенны и не новы для

Славина. Тѣмъ не менѣе, онъ съ особеннымъ благоговѣніемъ приложился къ иконѣ, и принялъ оную съ какимъ-то страхомъ. Непрочность счастія земнаго вспала ему на умъ!..... Эта добрая спарушка, такъ спокойно прожила около семидесяти лѣтъ! Но и она предсказываетъ какія-то бѣдствія, могущія постигнуть обоихъ любящихся!.... Почему знаешь! Можешь быть этакъ рай взаимной любви исчезнешъ въ одно мгновеніе и замѣнишься адскою шоскою. Нѣтъ! прочь горестное помышленіе! Доколѣ Славинъ увѣренъ въ своей Софін, доколѣ онъ не спрашивается никакихъ бѣдствій. Ея измѣна была бы жесточайшимъ ударомъ для него, а все прочее, какъ на примѣръ, долгоевременная разлука, опсрочка ихъ брака и тому подобное — не мо-

жесть испугать нашего героя. »Я
господюсъ къ блаженству, думалъ
Славинъ, а меня предостерегающъ
опъ какихъ-то ударовъ рока, ко-
торыхъ я никакъ не могу предви-
дѣть и не ожидаю. Спрашивае все-
го то, что и собственное сердце
мнѣ предвѣщаетъ что-то неbla-
гопріятное!.... Пустяки! причуды!....»
На другой день, Славинъ отпра-
вилъ по почтѣ, въ Петербургъ,
благословленіе доброй старушки,
и невольнымъ образомъ помѣстивъ
въ письмѣ къ Софіи то, что ска-
зано было ему на счетъ покорно-
сти воли Провидѣнія, въ случаѣ
неожиданныхъ бѣдствій.

Уже чепыре дня наслаждался
Викторъ безмятежною, сельскою
жизнію. Добрая Федосья Андреевна
въ глазахъ его уподоблялась захо-
дющему дневному свѣтилу, кото-

рое послѣдними лучами озлащаетъ всѣ окружающіе предметы. Вечеръ жизни почтенной сшарушки, дѣйствительно былъ ясенъ и тихъ. Всѣ приближенные къ ней, любили ее душевно и какъ будто занимывали о ней то спокойствіе, то внутреннее счастье, коимъ ознаменована была вся ея жизнь!

»Угоспише меня, Авдошья Ивановна, сказалъ однажды за обѣдомъ Славинъ, обращаясь къ дѣвицѣ лѣтъ сорока или около, усердно исправлявшей должностъ домоправительницы у Федосьи Андреевны, призывшей во дни оны эту бѣдную и безродную дворянку.»

— Чшо же не подадутъ кислыхъ щей? закричала догадливая Авдошья Ивановна. Знаете ли, Викторъ Ипполитовичъ. Вы не даромъ любите наши кислые щи. Въ цѣлой Москвѣ

не найдется лучше эпихъ. Когда, во время несчастія, мы жили въ Арзамасъ, я нарочно посылала нашего Савелья въ Общину учиться солишь огурцы и дѣлать кислыя щи.

»Во время несчастія, говорите вы? спросилъ Славинъ.»

— Да! въ двѣнадцатомъ году, когда Французы были въ Москвѣ.

»Это у васъ называется несчастіемъ?»

— Ахъ, мой бапюшка! сказала Федосья Андреевна. Развѣ это было счастливое время? Я почти семьдесятковъ живу на свѣтѣ, терпѣла горе на свою долю, а хуже этой бѣды ничего не видывала. Ты, правда, былъ тогда диня: тебѣ это не памятно! Посмотрѣлъ бы ты, какая тревога была у насъ въ Москвѣ! Жили, жили спокойно и вдругъ дол-

жны были ѣхать, куда глаза гля-
дять! Наконецъ выгнали непріятеля,
ради бы всё на прежнее пепели-
ще; да ничего не оспалось!.... До-
велось и мнѣ, грѣшной, прожить
полтора года въ Арзамасѣ, пока не
выспроили мнѣ дома. Да вѣдь сколь-
ко нужды потерпѣли! сколько бы-
ло горя съ однимъ эшимъ (указывая
на юнаго Виктора, сидѣвшаго под-
лѣ Славина). Ребенку только что
минулъ годъ! Былъ такой хилой!
Мучились, мучились съ нимъ доро-
гою! насилу довели!.... Да вотъ,
Богъ милосердивъ! и его назадъ при-
вели, и сама возвратилась въ ма-
тушку Москву. Воли Господней не
узнаешь! Накажетъ и помилуетъ!....

»Эти люди почто счастливы,
подумалъ Славинъ. Величайшимъ
бѣдствіемъ ихъ, было внезапное раз-
зореніе мирнаго уголка, гдѣ они

такъ спокойно наслаждались жизнью. По свидѣтельству путешественниковъ, въ южной Америкѣ, цѣлые племена живутъ на рогожахъ, привѣшенныхъ къ пальмовымъ деревьямъ. Ни ужасныя разливія Амазоны, ни свирѣпыя звѣри, ни грозныя явленія природы, не устрашаютъ сихъ воздушныхъ гражданъ! Такимъ-то образомъ простота нравовъ и умеренность научаютъ пользоваться земнымъ бытіемъ!.... Не даромъ я люблю степи и свободную жизнь кочующихъ народовъ!....»

Когда послѣ обѣда, хозяйка, свято соблюдавшая старинныя Русскія обыкновенія, легла отдохнуть — бодрствующій Славинъ пошелъ въ тѣнисшій садъ, гдѣ гладкія пропинки въ аллеяхъ уже начинали покрываться падающими

листьями, а жеоржины и аспры видимо увядали, какъ будто прощаясь съ прекраснымъ лѣтомъ до свиданія въ будущемъ году. Погода была самая тихая, и хопя солнце не такъ привѣшливо свѣшило на чистомъ небѣ, какъ въ лѣтнюю пору, но все таки было тепло и пріятно. «Природа вездѣ является чадолубивою матерью, думалъ Славинъ, глядя на поблекшія гчоземныя растѣнія. Всѣ эти цвѣты, изъ родной почвы, пересажены на чужую сторону; но и здѣсь они живутъ и здѣсь являютъ свою красоту и даже силу жизни, свойственную ихъ опечеспвенному климату. Теперь они опцвѣли; могильнымъ сномъ уснутъ они во время холодной зимы, а съ новымъ, веселымъ солнцемъ будутъ наслаждаться новою жизнью. Такъ бываетъ и съ

человѣкомъ! Во время лѣта—одного
ли года или цѣлой жизни—онъ поль-
зуется всѣми благами природы. На-
ступивъ его зима и онъ оцѣпенѣ-
етъ въ нѣдрахъ земли, до радостна-
го пробужденія. Равномѣрно и живу-
щій — въ суровое время года, ос-
тавляетъ опцвѣвшія поля и обн-
женныя деревья, и спѣвши въ го-
родъ, въ это нравственное кладби-
ще, гдѣ смертныя въ пѣсныхъ
жилищахъ бываютъ перемѣнацы
безъ разбора, какъ въ гробахъ. Вся
разница только въ томъ, что въ
могилахъ спятъ спокойно, а въ го-
родахъ болѣе и болѣе суетятся!...
Жизнь патриархальная! Зачѣмъ нынѣ
до сихъ поръ не сохранилась безъ
измѣненія, подобно Китайскимъ и
Японскимъ законамъ? Зачѣмъ все
эти города, все эти пышныя зда-
нія, все эти миллионы приличій и

условій, сихъ тяжкихъ оковъ рода
человѣческаго — превратили нашу
прекрасную планету въ сборище
какихъ-то тюремныхъ клѣтокъ,
воспреещающихъ намъ наслаждаться
дарами природы и быть счастли-
выми въ нѣдрахъ ея!.... Нѣтъ! я
долженъ непременно побывать въ
снѣгахъ! Мнѣ душно въ столицахъ!....»

Вдругъ послышалось пѣнье въ
ближайшей аллеѣ. Чистый, вѣрный
дѣтскій шеноръ, явственно напѣ-
валъ: *вижу гдѣтъ баринъ съ поля,*
двѣ собачки передъ нимъ. — Славилъ
пріостановился, и обращаясь въ ту
сторону, откуда былъ слышанъ го-
лосъ, увидѣлъ своего маленькаго пез-
ку, безпечно прогуливающагося съ
хлыстикомъ въ рукѣ. «Эпошъ, каже-
тся, счастливъ, думалъ Викпоръ.
Онъ не мечтаетъ, а знаетъ, пита-
ясь здоровымъ воздухомъ и наслаж-

даясь оспашками лѣша. Суешности
рода человѣческаго не обращающъ
на себя его вниманія. Онъ не за-
бопился ни о чемъ; не философ-
ствуетъ, не поскуеетъ о бѣдспіві-
яхъ смертнаго рода; онъ живетъ
и цвѣшетъ, какъ расцвѣтія весною.
Ему только шестнадцать лѣтъ....
А впрочемъ, почему знать? Это са-
мая опасная эпоха. Тутъ спраспи
начинающъ волновать грудь, и лег-
ко можешъ спастись, что эти на-
пѣвы имѣютъ другую цѣль.... По-
спараюсь развѣдать сердечныя тай-
ны моего маленькаго друга.»

Подкравшись къ юному пѣвцу и
легонько ударивши его по плечу,
живо сказалъ: «Что ты тутъ дѣ-
лаешъ?»

— Ахъ, это вы? Ничего не дѣлаю;
я гуляю.

»Безъ всякаго намѣренія?»

— Какъ безъ намѣренія? Съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ нагуляшья вдоволь, пока еще время позволяешъ.

»Признайся лучше, не назначилъ ли ты здѣсь свиданія.»

— Съ кѣмъ?

»Почему мнѣ знать! Здѣсь въ домѣ чепыре молодья барышни, а тепинька почиваетъ....»

— Не стыдно ли вамъ это говорить, Викторъ Ипполитовичъ? сказалъ мальчикъ, покраснѣвши.

»Совсѣмъ не стыдно. Тебѣ уже шестнадцать лѣтъ. Я самъ по опыту знаю, что въ эту пору сердце начинаетъ биться сильнѣе; что желанія наши усмремляются не къ дѣтскимъ забавамъ, а къ любви, къ обожанію существа прелестнаго, нашего идеала, котораго мы опы-

скиваемъ во всѣхъ особахъ прекраснаго пола....»

— Вы вѣрно романъ сочиняете, Викторъ Ипполиповичъ?

»Нѣтъ, плутишка! я уже сочинилъ свой романъ. Не сочиняешь ли ты?»

— Ей Богу нѣтъ!

»Не вѣрю!»

— Грѣшно вамъ не вѣрить, когда я говорю: ей Богу. Повѣрьте, по крайней мѣрѣ, тому, что я помню прелестью заповѣдъ.

»Охотно вѣрю. Только всѣ ли заповѣди ты такъ твердо помнишь?»

— Я думаю, что всѣ. Но скажите сдѣлайте милость, что это вамъ вздумалось меня разспрашивать о такихъ вещахъ, которыя мнѣ и въ голову не приходятъ?

»Я это дѣлаю по дружбѣ къ тебѣ. Ты подрастаешь; видно по все-

му, что ты мальчикъ добрый и умный. Почему знаешь? можешь быть, какаянибудь спраснь, которую ты щцашельно скрываешь, напримѣръ хоть бы любовь.... къ Нинальѣ Николаевнѣ, къ этой прелестной дѣвушкѣ, начинаешь уже себя тревожить безнадежностью, трудностью доступа къ красавицѣ, несмѣлостью объясниться и всѣмъ тѣмъ, что волнуетъ сердца вашей браньи недороспковъ, только что начинающихъ любить. Въ такомъ случаѣ, я берусь тебѣ помогать всѣми силами.»

— Воля ваша, Викторъ Ипполитовичъ! только вы надо мною насмѣхаетесь. Какую вы нашли во мнѣ тайную спраснь и волненія сердца? Вы сами видите, что я всегда веселъ, всѣхъ люблю и, благодаря Бога, всѣми любимъ. Вмо-

блаться мнѣ не позволяють ни лѣта мои, ни занятія. Нынѣшнею зимою меня повезутъ въ Петербургъ, для опредѣленія въ Артиллерійское училище; я долженъ приготовляться къ экзамену, обязанъ подумать о томъ, какъ мнѣ заслужить офицерскій чинъ, и въ послѣдствіи, какъ опслужить вѣрою и правдою Государю и опеческву. А вы хотите непременно, чтобъ я былъ влюбленъ. Когда мнѣ этимъ занимаюсь? И въ кого же заспавляете меня влюбляясь? въ Наталью Николаевну, которая такъ зла и капризна, что ее ни кѣмъ терпѣть не можешь, и я, въ томъ числѣ. Скажу вамъ по секрету, что у меня рѣшительно душа не лежитъ къ ней, да еще къ одному моему товарищу по пансіону. Впрочемъ я всѣхъ люблю и гошовъ люблю.

»За что же ты не жалуешь этого пансіонскаго поварища?«

— За то, что у него самое дурное сердце.

»Изъ чего ты это заключаешь?«

— Изъ того, что онъ всегда радуется, когда другой его поварищъ провинился и подвергнется наказанію.

»Браво, мой другъ! Это опредѣленіе дурнаго сердца, дѣлаешь честь и уму своему и сердцу. Удосповѣряюсь въ своей невинности, на счетъ любовныхъ помышленій! Но скажи мнѣ, Викшоринька. Если до сихъ поръ ты еще не увлекался ни воображеніемъ, ни сердечною склонностію къ прекрасному полу, ни даже непонятными желаніями, то какъ ты понимаешь любовь, о которой вѣрно ты много разъ слышалъ? Въ какомъ видѣ пред-

спавляется тебѣ блаженство двухъ любовниковъ, которые дышатъ одинъ другимъ и видятъ рай земной въ соединеніи ихъ сердець? А? Скажи откровенно.»

— Этошъ вопросъ слишкомъ мудренъ для меня, Викторъ Ипполитовичъ? Не умѣю судить о такихъ предметахъ, которые мнѣ не извѣстны. Вотъ, если бы вамъ угодно было проэкзаменовашъ меня въ Математику и въ Физики, то я постарался бы вамъ выказашъ мои знанія. А объ романтической любви, я, право, не имѣю надлежащаго понятія. Читалъ кое что въ поэмахъ и романахъ, и принимаю все это за сказки, за игру воображенія. Впрочемъ и то не диво, что это случается въ обществѣ; молодому мужчине понравилась дѣвушка, онъ начнетъ поджигать

воображеніе, увѣрять самого себя, что онъ влюбленъ, и точно влюбился спрасшно. Когда посморгонія занятія не много по развлечушъ, тогда и спрасъ его пошухнетъ какъ погашенная свѣча, Извинише мея! прибавилъ мальчикъ, поцѣловавши Славина въ щеку; я, можетъ быть, очень глупо говорю, только мнѣ все это...., такъ кажется! По моему мнѣнію: влюбись, такъ женись, а не помишись и не фантазировать. Я готовлюсь въ военную службу и не смѣю помышлять о женитьбѣ. Женатый — уже плохой воинъ.

»Эпо кто тебѣ сказалъ?»

— Одинъ изъ лучшихъ Россійскихъ Генераловъ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Онъ самъ признался въ томъ, что человекъ семейный, не иное что, какъ полу-солдатъ. Эпо напечатано въ журналѣ.

»Ну, братъ тезка! Не имѣешь же ты понятія о истинномъ блаженствѣ! А я думалъ, что такой живой, рѣзвой, остроумный мальчикъ, уже началъ созидать въ воображеніи храмы будущаго благополучія.»

— Эпи храмы похожи на воздушные замки. Ихъ можно настроятъ тысячи въ одинъ день и ни одного не видѣшь во всю жизнь. Въ такомъ случаѣ, подъ старость ничего не останется, кромѣ сокрушенія о не сбывшихся ожиданіяхъ. Лучше жить такъ, какъ Богъ велитъ. Этому учила меня бабушка Федосья Андреевна, и я ей вѣрю, потому что она всю жизнь свою вела спокойно и счастливо. Я бы не желалъ лучшей жизни!

Сильно подѣйствовало на Славина это простое, безсвязное объ-

ясненіе съ дышащею, на счетъ сердечныхъ наклонностей. — »Какъ онъ спокоенъ! размышлялъ Славинъ. Сердце его не обуреваешия спра-спями; чистая его душа не омра-чена пороками, копорые не дерза-ють къ ней прикоснуться. Онъ намѣренъ, какъ Гомеопатикъ, вку-шать блаженство бытія, въ само-малѣйшихъ пріемахъ, и смѣло мож-но ручаться, что онъ будетъ до-воленъ своею участью. Только я не завидую такому счастью!... Правда, онъ съ шѣмъ бѣльшимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ бу-детъ переносить удары рока, чѣмъ равнодушнѣе онъ къ пламеннымъ, очаровательнымъ наслажденіямъ сей жизни; но — въ замѣнъ того, и жизнь его будетъ подобна степи гладкой, равной, единообразной и со всѣхъ сторонъ сливающейся съ

небесами, привѣтливо къ оной склоняющимися. Такая нравственная степень не годится для меня!...»

Восемь дней прогоспиль нашъ герой у доброй Федосьи Андреевны и началъ собираться въ пушь. Очень огорчилась старушка, узнавши, что ея племянничекъ, на возвращеніи пуши не заѣдетъ въ Москву. Она осыпала его благословеніями и спслько нажелала ему счастья, что еслибъ все желаемое исполнилось — онъ не зналъ бы куда дѣваться съ такимъ богатствомъ. Маленькой философъ Викторъ, плакалъ, прощаясь съ своимъ другомъ, который упѣшалъ его шѣмъ, что чрезъ два мѣсяца они увидятся въ Петербургѣ и оиашъ примушся за философическія изслѣдованія блаженства!...

Пребываніе въ мирной обществѣ

Бедосли Андреевны, усладило душу Славина. Съ такимъ же умиленіемъ смопрѣлъ онъ на спокойную деревенскую жизнь почтенной женщины, съ какимъ взрослый человѣкъ взираетъ на безпечно играющаго младенца. — Быстро проѣхавши скучную, лѣсиспую дорогу отъ Москвы до Арзамаса, нашъ герой увидѣлъ себя наконецъ въ степи. Желшыя поля, съ убраннымъ на нихъ хлѣбомъ; кое гдѣ мелькающія, какъ на ситуационныхъ планахъ, черныя точки и линіи, означающія селенія съ выгонами; изрѣдка гдѣ мелкій лѣсъ; повсюду ушомипельное однообразіе, недоспапокъ жизни и дѣяпсельности—все это навело болѣе унынія на Славина, нежели густыя аллеи Бѣлорусскихъ Губерній, копорыя ему шакъ не нравились. Наконецъ домчался онъ до Оренбурга.

Еще радостная встрѣча; еще картина проспаго семейственнаго счастья, въ глуши, въ степи, въ отдаленномъ городѣ, не приманчивомъ для жителя роскошныхъ столицъ! Со слезами цѣловала Евгенія давно ожидавнаго брата; супругъ ея, добрый, почтенный чиновникъ, съ истиннымъ радушіемъ обнималъ милаго гостя. Упомянутаго Славина усадили, и спрашивали, чего ему подашь? съ такою заботливостію и готовностію, какъ будто бы всѣ блага земныя были приготовлены для встрѣчи его. Лишь только напился онъ чаю, какъ дверь комнаты распворилась и два младенца, съ херувимскими личиками, въ красивыхъ Русскихъ рубашечкахъ подошли къ нему. »Поцѣлуйте дядиньку,« говорила мать, и распротанный дядинька усадилъ къ

себѣ на колѣна обоихъ племянниковъ, кошорые съ полуопверстыми устами глядѣли на его эполеты и безъ церемоніи начали ихъ щипать. «Вопшъ эпошъ — Ипполипка! сказала восхищенная мать. А эпошъ — шезка швой, Бикпорка! Онъ смирный мальчикъ, а спаршій такой шалунъ, что не повѣришь!» — Кто? Ипполипка? Сшало бышъ онъ такой же молодецъ, какъ нашъ Сережа, кошорый всегда смѣется и бьетъ по щекамъ мою Софью, а меня деретъ за бакенбаршы! — Слаvinъ разцѣловалъ обоихъ мальчиковъ. — Дверь отворилась вшорично и женщина, низко кланяясь, поднесла къ Слаvinу груднаго младенца. «Эшо моя Капя, сказала Евгенія» — Сдѣлай же дядинькѣ ручку, примолвила няня, и милая дѣвочка, съ Ангельскою улыбкою, приложи-

ла къ губкамъ ладонь. У Славина слезы навернулись!... Это все дѣши его родной, нѣжно любимой имъ сестры! Онъ ихъ видитъ въ первый разъ, во образъ непорочныхъ Ангеловъ. Славинъ погрузился въ сладосныя мечпанія о шѣхъ дѣшяхъ, копорыя украсили его блаженную супружескую жизнь, о дѣшяхъ, рожденныхъ милою Софьею!... Цѣлый вечеръ пролепѣлъ въ взаимныхъ ласкахъ и дружескихъ разговорахъ. Наконецъ счастливые родспивенники разспались, а упомянутый Славинъ предася сну, во ожиданіи слѣдующаго, радоснаго дня.

Едва онъ проснулся, какъ заботливая Евгенія уже вошла въ его комнату, сопровождаемая челоѡкомъ съ огромнымъ подносомъ. Когда братъ и сестра вдоволь на-

пились чаю и кофе, и человекъ унесъ приборъ, по Славинъ поцѣловалъ Евгению, и дружески положивши ей обѣ руки на плеча, сказалъ:

»Ну, ma bonne amie, объясни же мнѣ теперь, что за важная шайна заставила тебя вызвать меня сюда?»

— И, мой другъ! отвѣчала Евгения. Послѣ поговоримъ обѣ этомъ. Теперь долженъ ты явиться къ Военному Губернатору, а по окончаніи развода мы поѣдемъ въ Соборъ; надобно же отслужить....

»Хорошо! только по крайней мѣрѣ вразуми меня — въ чемъ дѣло?»

— Ничего, повѣрь что ничего! Покойникъ бапюшка завѣщалъ мнѣ открышь тебѣ обѣ одномъ чудномъ происшествіи, которое было уже очень давно.

»Стало бытъ эшо касается до меня?«

— И до тебя, и до меня. Случай довольно страшный, только важнаго въ немъ совершенно ничего нѣтъ. Когда ты узнаешь, то, можешь быть, насмѣшишься вдоволь. — (Въ душѣ своей, Евгенія желала только, чшобы дѣло обошлось безъ слезъ).

»За чѣмъ же ты меня такъ напугала?«

— Виновата! мнѣ непременно хотѣлось, чшобъ ты поскорѣ насъ навѣстилъ. Не сердись, мой Викторъ, прибавила она нѣжно прѣля его по щекѣ, и одѣвайся!

Въ опдаленномъ Оренбургѣ, лежащемъ на предѣлахъ безплодной степи, въ которую по видимому до скончанія міра не прокрадется граж-

данствѣнность — живутъ совершенно на Европейскую сѣнь, за исключеніемъ немногихъ различій, зависящихъ отъ мѣстностей. — Пріѣздъ Славина не изумилъ жителей. Многіе изъ нихъ сами жили въ Петербургѣ. Сверхъ того, въ военномъ городѣ, Адъютанты не въ диковину; но и въ малочисленномъ Оренбургскомъ обществѣ, также водится та болѣзнь, или лучше сказать, пошлѣ апешитъ, который называется любопытствомъ. Въ то время носились слухи о неисполненіи Турками нѣкоторыхъ условій Акерманскаго договора. Слѣдовательно предспоишь новая война. Славинъ постоянно пребываетъ въ Петербургѣ, служитъ при важной особѣ, бываетъ при Дворѣ, имѣетъ обширное знакомство — мудрено ли,

что все тайны Кабинета ему известны? Такъ судяшь не въ одномъ Оренбургѣ! — Принятый вѣжливо начальствомъ, подружившійся съ военно-служащими, познакомившійся въ короткое время съ жителями города, всеми обласканный, Славинъ обязанъ былъ безпрестанно разъѣзжать къ тому и другому; шамъ — зашаракашь; здѣсь — обѣдашь; у такого — по — танцовать до утра; съ такимъ-по — ѣхать на охоту; съ военными камрадами — выпить бутылку Шампанскаго; всехъ уверяшь, что касательно дѣлъ съ Турціею еще ничего не известно; словомъ — нашъ герой въ теченіи двухъ недѣль не имѣлъ свободной минушны, такъ что едва успѣлъ онъ написать коротенькое письмо къ своей Софіи. Впрочемъ, ему было весело. Это время каза-

лось ему праздникомъ, въ кругу радужныхъ и добрыхъ гражданъ!

Однако, послѣ этой веселой, разъѣздной жизни, похожей на неутомимое круженіе въ копилонѣ, приходилъ минуна успокоенія, прелебемая самою природою. Тогда, разсудокъ вступалъ опять въ должность и докладывалъ о томъ, чью надлежитъ исполнить. Слава въспомнилъ, что онъ пріѣхалъ для узнанія какой-то важной, и между тѣмъ, по увѣренію его сестры, забавной тайны. Подъ предлогомъ нездоровья, онъ отказался отъ многихъ приглашеній и остался дома. Во ожиданіи пріѣзда Евгенія, онъ рассказывалъ по комнатамъ, и наконецъ остановился у окна, изъ коего былъ видѣль Уралъ, за нимъ мѣновный дворъ и роща, и наконецъ

пространная степь, облегающая весь горизонтъ. Видъ степи навлекъ уныніе на Сларина. Онъ погрузился въ мечтанія о суеишностяхъ гражданской жизни, о блаженствѣ взаимной любви, не зависящей отъ свѣтскихъ приличій, о томъ, о другомъ, и даже о философіи маленькаго Викшора: — «Чѣмъ такъ задумался? ласково спросилъ Евгенія, ударивши мечтателя по плечу. — А! эно ты? Я смотрѣлъ на эту степь. Мнѣ непременно хочется съзидить шуда. — «Зачѣмъ?» — Погуляешь, посмотришь, и можешь быть захватъ въ орду Киргизцевъ. Повѣришь ли, Женни? мнѣ кажется, что я когда-то бывалъ въ этой степи, или въ какой другой, не знаю, только бывалъ? — «Вѣрю, ошвѣчала съ ласковою улыбкою Евгенія. И ты не ошибся. Ты точно былъ

въ этой степи.» — Когда? — »Ты въ ней родился.« — Чло? воскликнул изумленный Славинъ. Я родился въ Петербургъ. — »Нѣтъ! вотъ твоя родина, и вотъ въ чемъ состоитъ важная тайна, о которой я тебѣ писала.»

Викторъ поблѣднѣлъ. Евгенія испугалась, увидя его въ этомъ положеніи. »Успокойся, мой другъ, сказала она. Не бойся ничего.« — Я не боюсь ничего; только объясни мнѣ все это. — »Сей часъ!« — Евгенія вышла и вскорѣ возвратилась съ большимъ пакетомъ. »Вотъ, сказала она, завѣщаніе покойнаго батюшки. Прочитай! Но — заклинаю тебя Создателямъ! не тревожься. Я оставлю тебя одного.«

Славинъ посмотрѣлъ на конвертъ. *Сыну моему Виктору*, было надписано рукою его родителя. Съ

благоговѣніемъ приложилъ онъ ус-
па къ сему начертанію и распе-
чатавши пакешъ, прочищалъ слѣ-
дующее.

Г Л А В А II.

Маленькой Киргизецъ.

«Тысяча восемь сотъ чешверша-
го года, Ноября одиннадцатаго дня,
въ Губернскомъ городѣ Оренбургѣ,
праздновалъ я день именинъ мало-
лѣшняго сына моего Викшора, кре-
стника Ея Сіашельспва Княгини
Екашерины Дмипріевны Холмской,
моей высокопочщенной благодѣ-
тельницы. Усердно молясь во хра-
мѣ Божіемъ, во время обѣдни, и
воспоминая всѣ милоспи, оказан-
ныя мнѣ, по волѣ общаго нашего
Опца, моею благодѣшельницею и
въ Бозѣ почившимъ супругомъ ея,
Его Сіашельспвомъ Княземъ Ни-
коноромъ Алексѣевичемъ, изъ глу-

бины души изрекъ я ко Господу
молишву: »Творецъ небѣсный! въ
дѣшпвѣ моемъ предспояла мнѣ
учаспъ смиренная и незначитель-
ная въ семь мѣрь. Тебѣ угодно бы-
ло ниспослать мнѣ благошворише-
лей, кошорые, во имя Твое святое,
возвели меня выше моего происхо-
жденія. Чѣмъ возблагодарю Тя,
Ощецъ милосердый? Какую жершву
возложу на алтарь Твой, азъ недо-
стойный! Угодно было Тебѣ взяши
въ горная подругу жизни моей. Ты
даровалъ, Ты и взялъ! Благословен-
на буди воля Твоя! Двухъ малолѣт-
ныхъ дѣтищъ моихъ, по волѣ Тво-
ей сиротспвующихъ, Ты призришь,
помощникъ всѣхъ скорбныхъ! Го-
споди! за шолікія блага, изліянныя
Тобою на недостойнаго раба Тво-
его, дозволи ему хопя единожды
въ жизни воскуришь предъ Тобою

ѡиміамъ, угодный Тебѣ. Даруй ему
случай учинити дѣло доброе, при-
зрѣніемъ нища, или безпомощна, или
сироты. Не оприни, Господи! мо-
ленія раба Твоего!» По произнесеніи
сей моей молитвы, безмолвно сто-
ялъ я предъ святою иконою Спа-
сителя и какъ будто чувствовалъ
пролишіе цѣлебнаго бальзама на ра-
ны сердца моего, шажко уязвленнаго
недавнею кончиною супруги моей
Настасьи Михайловны. Хошѣлъ я
молитъ Святаго угодника Виктора
о покровительствѣ, благодушнымъ
именемъ его названному сиротѣ,
малолѣтнему сыну моему. Но уже
не имѣлъ ни силы, ни теплоты
душевной! Молитва моя къ Творцу
Вселенныя и Спасителю рода смерт-
ныхъ, истощила весь разумъ мой.
По окончаніи Божественной литур-
гіи, пошелъ я домой, не споль уже

скорбный, какимъ вышелъ изъ сиротскаго моего убѣжища. Господь услышалъ молитву мою и въ этотъ же день исполнилъ желаніе раба Своего.

»Предъ полуднемъ, въ одиннадцатъ часовъ, собрались ко мнѣ знакомые и сослуживцы на откушаніе именинного пирога сиротки сына. Ради долга учтивости, я казался, какъ бы веселымъ и угощалъ по возможности моихъ посѣщителей. Господинъ Коллежскій Ассесоръ Андрей Евсигнѣевичъ Бузулуковъ, выпивши рюмку рябиновки, сказалъ мнѣ: «Вошъ, Ипполитъ Ивановичъ, доброе дѣло тебѣ предстоитъ. Давно уже говорилъ ты мнѣ, что благодѣтельница твоя, Княгиня Холмская, желаетъ, чтобы ты доспалъ ей Калмыченка. Вчера вечеромъ, къ

дому моему пришла Киргизка съ младенцемъ. Бѣдная обливалась слезами и по всему видно было, что она изнеможена голодомъ. Она подняла на рукахъ младенца и какъ будто совала его ко мнѣ въ окно. Я не могъ ее разспросить, но велѣлъ опвесить ее въ людскую и накормить. Она ѣла съ жадностью, и насытившись падала на колѣна, не вняшно произнося по Русски: Богъ заплашишь! — Я оставилъ ее у себя. По всему видно, что она хочетъ продать своего малюшку, котораго ей нечемъ кормить. По разпросамъ оказалось, что у нея нѣтъ въ сѣпи ни мужа, ни родни. Сдѣлай доброе дѣло, Ипполитъ Ивановичъ! Купи младенца для Княгини. А мальчикъ прекрасный! — Внялъ Господь милосердый моленію раба своего! сказалъ я перекрестясь. — Просилъ

Бога даровать мнѣ случай на доброе дѣло, и благословеніе Его мною! Андрей Евсѣегнѣевичъ! позволь привести Киргизку съ ребенкомъ; сей же часъ дамъ ей споруслугу за сына, а вы, господа; будьте свидѣтели. Благошворительница моя милослива и мальчику предшойтъ счастливая участь. — »А я, сказалъ зажишный Уфимскій помѣщикъ Ѳедоръ Аскалоновичъ Ураловъ, коли уже пошло на доброе дѣло, — я беру къ себѣ Киргизку, дамъ ей и хлѣбъ и все что нужно! Кормимъ и собакъ; грѣхъ не дать хлѣба бѣдной женщинѣ! По рукамъ, Ипполитъ Ивановичъ! Вотъ и подарокъ своему имениннику!« — Я велѣлъ подать горскаго вина, и Ѳедоръ Аскалоновичъ, выпивши, на веселѣ сказалъ: «Доброе дѣло не пропадаетъ у Господа! Будешь счастье своему

имяниннику! Приводите поскорѣе Киргизку!»

«Ее привели, и она пала въ ноги Андрею Евсѣигнѣвичу, котораго сей часъ узнала между другими гостями. Мы ее обласкали, и хотѣли взять младенца, мальчика лѣтъ чепырехъ и весьма красиваго. Но ребенокъ съ крикомъ ухватившись за шею матери, не хотѣлъ отъ нея отстать. Въ это время няня вынесла изъ другаго покоя моего имянинника, который лишь только увидѣлъ однолѣшняго себѣ мальчика, какъ будто по особенному внушенію святаго Промысла, протянулъ ручки и ласковою улыбкою привѣтствовалъ новопринесенное дитя. Маленькой Киргизецъ, дико поглядѣвши на неизвѣстное ему дитя, опять ухватился за мать и

довольно спокойно началъ лепешать нѣчто по своему. Госпи, въ сію для сердца прогательную мину, подходили къ Киргизкѣ и, ласково ее спрашивая, дарили ей серебряныя монеты. Киргизка говорила весьма невнятно, а изъ присущихъ ей ни кто не зналъ хорошо ея роднаго нарѣчія. Изъ всѣхъ разспросовъ могли только понять, что она не имѣетъ мужа, и что холодъ и голодъ вынудили ее идти въ городъ и продать свое дѣтище, по примѣру своихъ степныхъ собратьевъ. Монеты, которыя давали ей госпи, она хвасталась какою-то жадностію и пряпала ихъ за пазуху. Между тѣмъ сынъ ея, дико поглядывавшій на моего Виктора, наконецъ позволилъ сему младенцу взять себя за руку. Казалось, что Ангелъ хранишель сихъ

двухъ непорочныхъ существъ, благословилъ ихъ, и заключилъ между ними шопъ шайншвенный союзъ, который въ послѣдствіи, еще свяще былъ скрѣпленъ, опходомъ одного изъ нихъ къ Отцу небесному, что и будешь въ семъ описаніи объяснено сыну моему Виктору. — Въ непродолжительное время сего знакомства младенцевъ, Киргизка не спускала глазъ съ своего дитяши, не смотря на то, что много была разспрашиваема, получала денежные подарки и была угощена горскимъ виномъ, что весьма ее развеселило. Федоръ Аскалоновичъ предложилъ ей наконецъ опдашь свое дитя, и вынесенные мною изъ кабинета сѣю серебряныхъ рублей, держалъ въ плапкѣ предъ ея глазами. Охмѣлѣвшая женщина, съ радостію и глупо смѣясь, посматрива-

ла то на деньги, то на малюшку, копорый уже нѣсколько заигрывалъ съ моимъ Викпоромъ. Видимо было, что сердце мапери боролось съ нуждою. »Ну что же, баба! закричалъ Федоръ Аскалоновичъ, бывшій самъ уже не въ презвомъ видѣ. Дипя останешся здѣсь; бери деньги и спупай ко мнѣ. Я дамъ тебѣ хлѣбъ и плашье.« И съ сими словами опдалъ ей плашокъ съ монешами. Киргизка снова упала въ ноги къ Андрею Евсннгнѣсвичу, и будучи поднята, киваніемъ головой и поклонами означала согласіе. Я велѣлъ вывесши ее въ дѣвичью и накормилъ. И лишь только младенецъ увидѣлъ, что мать его уходитъ, какъ вдругъ съ плачемъ бросился къ ней, и лепеча по своему, уцѣпился за плашье Киргизки, дико озираясь на всѣ стороны. Я прика-

залъ увести его вмѣстѣ съ матерью, копорая, наѣлась и легла спать, одною рукою крѣпко прижавши къ груди полученныя деньги, а другою обнявши свое дѣтище. Во время сна Киргизки, сдѣлалъ я на листѣ гербовой бумаги записъ, копорая и была засвидѣтельствована всѣми госпями; а въ оной записи значилось, что малолѣтнее дитя, изъ рода Киргизъ-Кайсацкаго, куплено мною у матери его, для доставленія онаго младенца Ея Сіятельству Княгинѣ Екашеринѣ Дмиріевнѣ Холмской. Юный Киргизецъ не долго оставался съ уснувшеою матерью и пошелъ играть съ моимъ сыномъ. Надлежишь вѣдать, что Андрей Евспигнѣевичъ еще накануне одѣлъ его довольно опрятно, давши ему рубашку и башмачки малолѣтнаго своего сына Николая

Андреевича. Послѣ обѣда долго мы еще пировали, а поприближеніи ночи, когда дѣти почувствовали наклонность ко сну, младенца Киргизца положили на одну постель съ моимъ сыномъ; обхватившись рученками, оба въ минуту заснули. Симъ и слѣдовало воспользоваться для удаленія мащери. Но, когда начали вызывать ее изъ комнаты, то она громко закричавши, начала бить себя въ грудь и въ голову, и проливая горькія слезы, говорила что-то на своемъ языкѣ и безпрестанно наклонялась къ спящему дитяти. Федоръ Аскалоновичъ, будучи совершенно на веселѣ, почти насильно заставилъ Киргизку выпить большую рюмку наливки, началъ предъ нею скакать и поплясывать, обнималъ ее, и утѣшалъ словами, непонятными для бѣдной мащери. Од-

нако наливка произвела свое дѣйствіе, и Киргизка, по смѣясь, поплача, зашашалась, и Ѳедоръ Аскаловичъ приказалъ ее положить въ сани и ошвезши въ свой домъ. — Когда всѣ гости разъѣхались, я подошелъ къ кроватки спокойно спящихъ младенцевъ, и взирая на ихъ безмятежный, Ангельскій сонъ, живо почувствовалъ въ душѣ моей, что теплая молитва моя, упрямъ произнесенная предъ образомъ Спасителя, исполнена Всевышнимъ; что я точно шворю доброе, прирѣніемъ сироты; что Господь, посѣщившій меня горестью и опѣявшій у меня супругу, а у дѣтей моихъ мать, даровалъ мнѣ, по великой милости своей, новое чадо, которое, при живой матери, сиротствуетъ и нуждается въ моей помощи. Слезы навернулись на гла-

захъ моихъ, и я грѣшною моею рукою осѣнилъ знаменіемъ Креста обоихъ младенцевъ, и возведя къ небу глаза, произнесъ сію молитву: »Господи! Благослови ихъ! да будутъ они братьями!...« болѣе не могъ я ничего сказать. Какая-то непонятная задумчивость мгновенно овладѣла мною. Я легъ и не могъ ни заснуть, ни размышлять. Спирался я припомнить то, что надлежало мнѣ исправить завтра по службѣ моей, какъ обыкновенно я дѣлаю по окончаніи дня. Но всѣ помышленія мои какъ будто пришупились. Наконецъ сонъ закрылъ мои вѣжды. Въ сновидѣніи безпрестанно мечтались мнѣ оба младенца, кои, подобно Херувимамъ, кружились въ воздухѣ надъ моею головою. Они какъ будто лобызали меня и воспѣвали нѣкую пѣснь,

весьма пріятной мелодіи, но мнѣ не памятной по пробужденіи. Все сіе естественнымъ образомъ происходило, опъ нечаянности событія и излишняго пированія.

»На другой день, то есть дванадесятаго Ноября, по приглашенію моему, всѣ наканунѣ присутствовавшіе, собрались ко мнѣ около трешьяго часа по полудни. Киргизка давно уже была при сынѣ своемъ, который, привыкая къ новому быту, дружески игралъ съ моимъ Викторомъ и даже успѣлъ въ дѣтской ссорѣ выдрать ему волосы. Таковая Ангельская связь весьма пронула мое сердце, и я болѣе укрѣпился въ намѣреніи моемъ доспавить купленному младенцу самую блестящую участь, чего и можно было ожидать опъ щедростъ мо-

ей благодѣтельница Ея Сіяшельска Княгини Екашеріны Дмитріевны. Собравшіеся у меня гости положили, что дитя должно быть окрещено. Дабы не терять времени, я послалъ за Священникомъ, который и совершилъ Христіанскій обрядъ. Дитя наименовалъ я Викторомъ, въ память чудеснаго Промысла Божія, услышавшаго моленіе мое въ день именинъ моего сына. Воспріемникомъ оного Святаго крещенія былъ я, нижеподписавшійся, и именемъ Ея Сіяшельска Княгини Екашеріны Дмитріевны, Осодосья Ивановна Урлова, супруга Федора Аскалоповича. Симъ способомъ совершилось крестное брашество между моимъ малолѣтнимъ сыномъ и безпріютнымъ Киргизцемъ. Въ сей день также пировали у меня всѣ гости; а я, не взирая на обыч-

ную мою презвую жизнь и на то, что скорбь о недавней потерѣ моей жены угнетала меня — съ особенною радостью поощивалъ поѣшпишелей и ощущалъ какое-то удовольствіе въ душѣ моей. — Новокрещенный младенецъ Викшоръ осѣлся въ домѣ моемъ и очень скоро ошвыкъ опѣ мащери, пребывавшей въ домѣ Ѳедора Аскалоновича. По непоспижимой волѣ Всевышняго, младенецъ Викшоръ привязался ко мнѣ какъ сынъ, чему много содѣйствовали ласки, мною ему оказываемыя. Киргизка, ежедневно поѣщала своего дитя, которое съ радостью бросалось къ ней на шею; шѣмъ не менѣе малюшка уже не посковалъ въ ея описушпвіи, и былъ чрезвычайно игривъ и веселъ. Опѣ сына моего Викшора не возможно было его опознать, и ни-

какъ не могли пріучить обонхъ младенцовъ спать врознь.

»Тысяча восемь сотъ пятаго года, Февраля четвертаго дня, рѣшился я отправишься въ Санкт-Петербургъ, пользуясь послѣднимъ путемъ. Причинами сего отъѣзда были: дѣла по службѣ, желаніе доставить моей благодѣтельницѣ малолѣтнаго Киргизца, о коемъ Ея Сіятельство, будучи письменно мною предувѣдомлена, не однократно сама изволила ко мнѣ писать, — и на конецъ, тяжкій недугъ сына моего, которъй, по увѣренію бывшаго у насъ врача, могъ удобно выдержавъ дальній путь и найдши въ столицѣ приличное леченіе, на которое въ Оренбургъ было мало средствъ. Путь мой совершился благополучно, и оба младенца Викторы, съ нянею сидѣвшіе въ особой повозкѣ, по ви-

димому не чувствовали никакого упоминения. По предварительному письму Ея Сіяшества Княгини Екашеринны Дмитріевны, мнѣ уже было извѣстно, что она изволила находилась не въ самомъ городѣ, ради передѣлокъ въ ея домѣ, а жишельствуетъ временно въ селѣ Славинѣ, мѣстѣ моего рожденія, отстоящемъ отъ Столицы только въ двадцати пяти верстахъ. Туда и проѣхалъ я проселочною дорогою и прибылъ въ домъ Ея Сіяшества, десятого Марта, въ шестомъ часу пополудни.—Радостно встрѣтила моя благодѣтельница обоихъ крестниковъ своихъ, и сколько ни жаловала моего сына, но болѣе ласкала младаго Киргизца, начинавшаго уже внятно лепетать по Русски. Мой Викторъ былъ видимо боленъ. Едва могли его вынести изъ

повозки. Напрошивъ, Киргизецъ Викторъ, котораго я принялъ къ себѣ ушомленного голодомъ, блѣднаго и худого, какъ будто ожить ошъ дальняго пущи. Глаза его живо сверкали, щечки были покрыты румянцемъ и ростъ его былъ не по лѣшамъ. Признаюсь, что глядя на мое дитя, я, по свойственному опеческому сердцу любви, по чпи негодовалъ на безвиннаго младенца, мною купленного, который какъ будто опнялъ жизненную силу у моего чада, и въ семъ прегрѣшеніи винюсь предъ Господомъ Богомъ, по моленію моему даровавшемъ мнѣ малаго Киргизца, а меня обязавшемъ радѣть о немъ яко о сынѣ. Гнѣвъ Божій вскорѣ исполнился надо мною! Того же вечера, Маріа десятиаго числа, между шѣмъ какъ младенцы почивали, а я имѣлъ

счасшіе бесѣдовать съ пресварѣ-
лымъ родителемъ моимъ и ма-
терью моею Ириною Пафнутьев-
ною, въ покояхъ Ея Сіяшельства,
— въ половинѣ одиннадцатаго часа,
вошла въ комнату Княгини Екаше-
рины Дмипріевны, горничная Ея
Сіяшельства, и объявила, что одинъ
изъ привезенныхъ младенцевъ му-
чится сильными судорогами. Легко
было опсгадать мнѣ и родителямъ
моимъ, что сіе Божіе наказаніе по-
спигнуло мое дѣщище! Едва при-
шли мы съ Ея Сіяшельствомъ въ
комнату, гдѣ, на одной кровати, по-
чивали оба малолѣтніе, какъ няня,
обливаясь слезами, безмолвно ука-
зала мнѣ на сына моего, уже поси-
пѣвшаго и въ слабыхъ содроганіяхъ
опсдающаго жизнь Господу, опъ
Его же милосши получилъ оную!...
Какъ прикованные, не могли мы

всѣ пронушья съ мѣста и въ оцѣпенѣніи нашемъ, даже не заботились о средствахъ къ спасенію умирающаго. Чрезъ минушу мой сынъ опошелъ къ Ангеламъ, витающимъ близъ Всевышняго и во славу Его наслаждающимся новою, лучшею жизнью! Миръ тебѣ, дитя мое! Завидую твоему блаженству! Не причастенъ ты былъ порокамъ сего міра и чистѣйшая душа твоя нашла лучшее мѣсто!...»

На сихъ послѣднихъ словахъ замѣшны были капли слезъ, нѣскольکو смывшія чернила, и на сіи же самыя слова, обильно лились слезы Виктора. Тайна его происхожденія уже была ему пояснена, и темное воспоминаніе о минувшемъ, возобновилось въ душѣ его. Онъ положилъ на столъ бумагу и воз-

ведши глаза къ небу, какъ будто началъ приводить въ порядокъ хаосъ мыслей своихъ.... Неперпѣливая Евгенія попихоньку отворила дверь, и усмрашась судорожныхъ движеній, которыя начали показываться на лицѣ ея брата, съ испугомъ вскрикнула: «Викторъ, другъ мой!» и поспѣшно схватила бумагу. — «Нѣтъ! сказалъ Славинъ. Нѣтъ! я еще не дочиталъ!... Не заботься обо мнѣ. Я спокоенъ; я мужчина; я могу многое перенести; отдай мнѣ завѣщаніе моего... отца!» И съ симъ словомъ горько зарыдалъ. — «Милый Викторъ! воскликнула Евгенія, бросившись ему на шею. Не читай, ради Бога, не читай! Успокойся! Посмотри, какъ ты перемѣнился!...» — Нельзя, Женни, нельзя! Я долженъ дочитать! Минута сильнаго волненія ничего

не значишь. Я уже спокоенъ, слышишь ли ты? Увѣряю тебя, что я спокоенъ! Поди вонъ!» И плачущая Евгенія вышла въ другую комнату. Славинъ опять началъ читать.

«Горько плакала родительница моя Ирина Пафнутьевна, восклицая: „Изшилъ меня Господь моего сокровища! Нѣтъ болѣе моего дитяти!“ И прочія сему подобныя выраженія во скорби своей произносила, до тѣхъ поръ, какъ родитель мой, съ динами украшенный паспырь Христова спада, съ торжественнымъ видомъ сказалъ ей: „Замолчи, Ирина! Богъ далъ, Богъ и взял! Не намъ грѣшнымъ вопіять противъ Его святой воли!“ И не будучи самъ въ состояніи пересилить душевной горести, залился слезами, и совершивши крестное знаменіе, утеръ

глаза платкомъ. Въ продолженіи сего времени, я стоялъ какъ громомъ пораженный, не могъ ни говорить, ни плакать, и самъ не зналъ, что со мною дѣлается. Одна лихорадочная дрожь во всемъ тѣлѣ какъ будто свидѣтельницаствовала о моей жизни. — Всѣ другія ощущенія были мершвы, какъ младенецъ мой. Ея Сіятельство также безмолвствовала, и, сидѣла ли она, или стояла въ сіе время, о семъ я ничего припомнить не могу. Вѣдомо только мнѣ, что самъ Господь, во утѣшеніе мое, возгласилъ устами моей благодѣтельницы. «Ипполитъ Ивановичъ! изволила съ видомъ участія сказать Княгиня Екатерина Дмитриева. Правильно гласитъ твоя родимель, что Богъ далъ, Богъ и взялъ; благословенно буди имя Господне и да совершится святая

Его воля! Но разсуди самъ, какъ Христіанинъ. Если Господь взялъ у тебя дѣшнице, то не Онъ ли, по благоспи своей, даровалъ тебѣ въ замѣнъ другое? Бѣдная Киргизка, шомимая голодомъ и холодомъ, вынуждена была продать тебѣ единственнаго сына, не для того, чтобы ей, несчастной, поддержать свое существованіе, а для того, чтобы дѣшя ея имѣло опща! И ты купилъ себѣ сына! Но что же будетъ теперь съ этимъ безпріютнымъ существомъ? Конечно, я могу его кормить, могу дать ему воспитаніе, даже наградить большою суммою денегъ. Но въ сущности, что будетъ этотъ сирота по достиженіи зрѣлыхъ лѣтъ? Мой крѣпостной! Есть у меня много крѣпостныхъ, и какъ передъ Богомъ скажу, всѣ они довольны мною и своею

участью. Они родились въ этомъ
соспоянїи и имѣютъ въ ономъ свои
сердечныя связи. Они не сироты!...
Неужели для того внялъ швоей
моливѣ Господь и далъ тебѣ слу-
чай сотворить благое — чтобы ты
мнѣ, старухѣ, доставилъ на попѣ-
ху сираго, безроднаго младенца,
который, послѣ смерти моей, дол-
женъ сдѣлаться паки сирымъ, без-
роднымъ, а можетъ быть и вы-
гнаннымъ моими наслѣдниками изъ
убѣжища, которое я могу ему дать
теперь. Къ чему послужить по-
гда его воспитаніе и довольство,
коимъ онъ будетъ пользоваться
въ моемъ домѣ? Въ такомъ
случаѣ, не лучше ли было бы
оснавить его въ Киргизской сте-
ни, гдѣ, по благости Божіей, люди
также наслаждаются жизнью, какъ
и мы грѣшныя? Ипполишка! Ты

купилъ себѣ сына, позволъ же мнѣ
купить ему отца!... Гляди! Вотъ
лежитъ свое рожденіе, хладное и
бездыханное. Никакія человѣческія
средства, никакія молитвы ко Твор-
цу, не возвращаютъ ему жизни. Ты
уже лишился своего дѣшника. Смотри!
Вотъ тебѣ другое, нуждающееся
въ отцѣ!... Мы здѣсь одни. Кро-
мѣ твоихъ родителей, меня и Вездѣ-
сущаго, никто не знаетъ, что про-
исходитъ. Исполни Иванъ! по-
клянись свято сохранить нашу тай-
ну! Усынови этого младенца и раз-
глашай повсюду, что умеръ приве-
зенный тобой маленькой Кирги-
зецъ, а сей, есть твой родной
сынъ! За это доброе дѣло и Богъ
тебя вознаградитъ и я тебя воз-
благодарю, и успрою участь оста-
вшейся у тебя дочери.»

Сіе, слово изумляющее и нѣкимъ

образомъ оскорбительное для со-
крушеннаго отца предложеніе, при-
вело меня не токмо въ недоумѣніе,
но даже поселило въ сердцѣ моемъ
досаду. »Мнѣ ли, мыслилъ я скорбно,
спенящему надъ бездушнымъ шѣ-
ломъ моего единственнаго сына,
мнѣ ли опказаться отъ него и
учинить поруганіе праху его, оп-
давши всѣ его права и мою любовь
чуждому мнѣ младенцу?« Но кто вос-
прощившися волѣ Божіей, невиди-
мо - вняпно намъ смертнымъ изъ-
являемой? Родительница моя, Ири-
ра Пафнутьевна, залившись слеза-
ми, подошла къ спящему ребенку
и взяла его на руки. Мальчикъ про-
снулся, съ легкимъ сшенаніемъ, и
ухватившись рученками за шею
моей матери, опять заснулъ. »Оп-
казалась отъ тебя родная мать,
дитя мое, сказала Ирина Пафнуть-

евна. Завезли тебя на чужую спору; нѣтъ ни роду у тебя, ни племени; сиротой ты здѣсь свой вѣкъ опживешь; милосердѣ Господь! Онъ намъ зсѣмъ Опсѣцъ; будь же ты моимъ внукомъ, будь сыномъ моего сына; я тебя усыновляю, и Царица Небесная да будетъ свидѣтельницаю моего обѣщанія!...»

— Аминь! провозгласилъ мой родитель, знаменіемъ креста осѣня, и спящее дитя и супругу свою. — Признаюсь, что сіе таинственное происшествіе, сіе смѣшеніе скорби неожиданной, съ убѣдительными требованіями особъ столь драгоценныхъ моему сердцу — напомнило мнѣ повѣствованіе о Руѣи, восхотѣвшей быть въ полномъ смыслѣ дочерью матери умершаго супруга. — Невольнымъ образомъ взялъ я у родительницы моей, спя-

щаго младенца, и благословивши его, не помню въ какихъ выраженіяхъ, наименовалъ моимъ законнымъ сыномъ. Чувствую, что съ сей минуты бездушное плѣло моего дѣтища показалось мнѣ, какъ бы нѣкою ветошью, къ употребленію негодною и равнодушно предаваемою употребленію. Въ семъ моемъ грѣхѣ винюсь предъ Богомъ милосердымъ!... И я, подобно Руѣи, избралъ себѣ не мать, но дѣтище въ замѣнъ опѣяпаго!....

»Младенца положили на постель. Княгиня Екатерина Дмиѣріевна повела насъ въ свою почивальню, и указавши на спаринный кованный ларецъ, изволила произнести: »Когда я выходила за мужъ—покойный мой дѣдушка, царство ему небесное! подарилъ мнѣ двадцать тысячъ Голландскихъ червонцевъ, имъ самимъ опѣ экономіи его собран-

ныхъ въ печеніе сорока лѣтъ, и приказалъ мнѣ сіи деньги беречь на черный день. Благодарю Создателя! придцать два года прожила я съ своимъ супругомъ и не видѣла чернаго дня. Эти деньги сохранились у меня до сихъ поръ. При старости моей, я рѣшилась употребить оныя на Богоугодное дѣло. Чп о же можетъ быть угоднѣе милосердому Ошцу, какъ не призрѣніе сироты? Эти двадцать тысячъ червонныхъ, дарю я своему сыну, Ипполитъ Ивановичъ! А дочери моей Евгеніи, жалую въ приданое двадцать тысячъ рублей. Завтра мы поѣдемъ въ Петербургъ, и тамъ ты получишь всю сумму сполна. Дитя останется при мнѣ. Я буду его матерью, а ты будь ему отецъ. Такова моя воля и такъ опредѣлили твои родители.»

»Мы всѣ поклонились Ея Сіятельству, споль многими милоспями насъ осыпавшую. — Моего умершаго Викшора вынесли въ другую комнату. Маленькій Киргизецъ спалъ также спокойно, какъ и въ день его привода ко мнѣ, въ Оренбургъ. Родители мои пошли домой. Я долго не могъ заснуть, помышляя о споль чудномъ происшествіи. — На другой день, мой младенецъ былъ преданъ землѣ и погребенъ въ томъ же селѣ Славинѣ, близъ церкви, между алпаремъ и садовыми ворошами, на половинѣ сего распоянія. Княгиня и родители мои, всѣмъ, говорили, что умеръ маленький Киргизецъ, который между нѣмъ плакалъ и поско-валъ не видя своего друга. Къ вечеру прибыли мы въ Столицу. Пріѣхавшая со мною няня, жена гарнизоннаго солдаша, переведеннаго въ Ре-

вель—послѣ похоронъ, была отпра-
влена, получивши пятьдесятъ руб-
лей награжденія. — Ни кто изъ до-
машнихъ не узналъ нашей тайны.
Клятвенно обѣщали мы не открыва-
ть оной ни кому. Такимъ-то об-
разомъ совершилось усыновленіе
младаго Киргизца, купленнаго мною
у родной матери! Онъ содѣлался
моимъ сыномъ! Пенсію вѣдимы судь-
бы Всевышняго!.....

»Въ непродолжительномъ време-
ни отправился я въ обратный путь.
На прощаніи съ дилпшею, по ис-
пинѣ былъ я пронупъ!..... Младе-
нецъ обнималъ меня съ плачемъ и
лепешалъ: шяшя! шяшя!—По всему
было замѣтно, сколь горесинна бы-
ла для него сія разлука! Мнѣ каза-
лось, что мой умершій Викторъ
передалъ ему всѣ свои права на мою
любовь. И сіе неуживренное дока-

запелство привязанности споль сильно подѣйствовало на меня, что я мысленно далъ клятву предъ Богомъ, не различать младаго Киргизца съ моимъ рожденіемъ.—По приѣздѣ въ Оренбургъ, я освѣдомился о Киргизкѣ и узналъ, что она женщина воспріяла святое крещеніе, и наречена Мапреною. Вскорѣ вышла она за мужъ, за крѣпостнаго двороваго человѣка, ея благодѣтеля, Федора Аскалоновича, и донынѣ находится въ живыхъ.

»Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, ѣздилъ я каждые два года въ Санктпетербургъ. Обрадованъ я былъ всегда успѣхами въ наукахъ и благоуравіемъ моего нареченнаго сына, а паче всего приводило меня въ умиленіе, нѣжная ко мнѣ любовь сего мальчика и дружба его къ дочери моей Евгеніи. Моя бла-

годѣтельница не могла разсѣпаться съ юнымъ Викпоромъ; да и всѣ знакомые Ея Сіапельсва хвалили сего прекраснаго опрока. Сердце мое привыкло къ нему до такой степени, что кончина его, или какое либо опъ меня опчужденіе, болѣе причинили бы мнѣ горести, нежели потеря роднаго сына! Едва ли столько я люблю дочь мою Евгенію, сколько нѣжной привязанности ощущаю къ моему Виктору! И что все сіе не ложь, въ томъ свидѣлемъ мнѣ Господь милосердый, вся Свое созданіе любящій!...

»Но воспріавши обязанность опца, могу ли я, довольствуясь наслажденіями родительской любви и утѣшеніями, кои доставляетъ мнѣ сынъ мой, забыть священный долгъ, возлагаемый на меня общимъ на-

шимъ Опцемъ? Какое наслѣдіе оставлю я по кончинѣ моей сыну возлюбленному? Щедроты моей благотѣлельницы навсегда обезпечили его отъ тяжкой нужды. Отличное образованіе, богатое достояніе и все то, что бываетъ предметомъ зависти между живущими — все сіе нынѣ есть удѣлъ, сына бѣднѣющей Киргизки. Моя любовь къ нему есть истинно родительская!... Сынъ мой, Викторъ! сынъ не по рожденію, но по волѣ Творца: я вознамѣрился описать чудный случай своего усыновленія, для того, чтобы ты, по достиженіи возраста зрѣлаго, лѣтъ дѣятельности и настоящей жизни человека — узналъ, какое благодареніе было тебѣ оказано особами чуждыми! Ты, рожденный въ степи бродящихъ Киргизъ-Кайсаковъ,

опыскалъ новое отечество въ образованномъ Государствѣ. Проданный голодною матерью, ты нынѣ во сто кратъ богачѣ, купившаго тебя за скудную цѣну! По происхожденію твоему, обязанный влачить дни твои въ средѣ народовъ дикихъ, не имѣющихъ даже надежныхъ средствъ къ пропитанію — ты попалъ въ большой свѣтъ и живешь въ великолѣпной Столицѣ, избилующей всѣмъ тѣмъ, что утонченная роскошь и промышленность могутъ изобресть для удовольствія человѣка!... Сынъ мой, другъ мой Викторъ! надежда моею старости! что могу я для тебя сдѣлать, при всемъ желаніи быть тебѣ полезнымъ? Я прожилъ въ мірѣ семь пятидесяти лѣтъ и увѣренъ въ томъ, что никто не упрекнетъ меня ни же малѣйшимъ опиступленіемъ отъ

правиль чesпи и Христiанской до-
бродѣшли. Сѣдина естѣ мудроспѣ,
гласитѣ старинное преданiе, и моя
глава уже убѣлѣлась, и я видимо
приближаюсь къ успрашающему
насъ грѣшныхъ, но и для правед-
никовъ неизбѣжному переходу въ
жизнь вѣчную. Я жилъ, и научился
жити!... Вошѣ тебѣ мое завѣщанiе,
сынъ мой возлюбленный!

»Не увлекайся прельщеньями да-
ровъ счастья и не возносись ду-
хомъ превыше того соспоянiя, въ
коемъ ты рожденъ. Богатство и
образованность могутъ поселити
въ тебѣ гордость, она же была
причиною паденiя перваго человека.
Помни всегда, кто ты таковъ? Су-
щество брeнное и смертное, на
равнѣ со всѣми живущими, и сверхъ
того въ обществѣ, въ коемъ ты
занимашь нынѣ споль видное мѣ-

спо — ты не можешь похвалиться, ни знатностью твоего происхождения, ни заслугами твоих родителей. Ты ничто иное, какъ рабъ, призрѣнный Христа ради. Каждый младенецъ родился слабъ и безпомощенъ, но грудь матери согрѣваетъ и кормитъ его. Отъ тебя, мой Викпоръ, вынуждена была отказаться родная мать. Ты въ полномъ смыслѣ сирота, мой сынъ! Но сиротство твое доставило тебѣ всѣ выгоды земныя, по воли общаго нашего Отца. Не оскорби Его никогда и удаляйся всякаго грѣха. Въ Бозѣ почившій, твой нареченный дѣдъ, а мой родитель, всегда толковалъ мнѣ, что грѣхъ есть не иное что, какъ оскверненіе отъ правды, и въ слѣдствіе сего завѣщалъ мнѣ, опечужденіе всякаго обмана, утаенія истины, нарушенія

священныхъ законовъ природы и даже общества. Теперь и я въ свою очередь завѣщаю тебѣ то же самое. Будь честнымъ человекомъ, мой сынъ! Не всякому живущему дозволяется благое Провидѣніе быть полезнымъ въ обществѣ. Но быть честнымъ и чуждымъ неправды — ни кому не воспрещено!

»Еще завѣщаю тебѣ, ни кому не открывать тайны твоего рожденія. Она будетъ извѣстна твоей сестрѣ, кою обязанъ ты любить, какъ единокровную. По смерти моей, сіе описаніе чудеснаго твоего усыновленія, будетъ тебѣ доставлено; а я, опходя къ вѣчности, умру съ тою утѣшительною мыслію, что дарованный мнѣ Богомъ сынъ Викторъ, рожденный въ Киргизъ-Кайсацкой степи, свято исполнилъ все завѣщанное призрѣвшимъ и бла-

гословляющимъ его опцемъ, Кол-
лежскимъ Совѣшникомъ и Кавале-
ромъ Империальнаго Іоанновымъ Сла-
винымъ. Оренбургъ, 11 Ноября, 1819
года.»

— Аминь! аминь! сказалъ порже-
спвенно Славинъ. Будешъ въ поч-
носпи исполнено швое завѣщаніе,
добродѣтельный человекъ!

Г Л А В А III.

К и р г и з к а.

»Викторъ, Викторъ! закричала
вбѣжавшая въ комнату Евгенія....

— Аминь! отвѣчалъ Славинъ.—

»Мой другъ! ты такъ распро-
енъ. Я пошлю за лекаремъ.»

— Аминь! Извѣстно ли тебѣ, что
значитъ это слово? Аминь, изрекъ
нашъ Спаситель ученикамъ своимъ.
Аминь, глаголаъ Онъ, проповѣдуя
истину предвѣчную и завѣщая имъ
опечужденіе всякой неправды, въ
ней же есть грѣхъ!... Аминь, сказа-
но было при усыновленіи моемъ, и
этомъ аминь, не пропасть даромъ!...
Я нашелъ родителей и благодѣте-

Часть II.

5

лей. Они, за любовь свою къ бѣдному сиротѣ, приказали мнѣ быть честнымъ человекомъ въ полномъ смыслѣ. Аминь, аминь и аминь! Ихъ воля исполнится!...

»Боже всемогущій! что я сдѣлала? сказала плачущая Евгенія.»

— Что ты сдѣлала? Ничего худого не сдѣлала. Въ этомъ я тебя порукою. Ты, его дочь, его рожденіе, ты законная наследница его имени, его званія и что всего важнѣе—его добродѣтелей; ты.... открыла мнѣ тайну моего происхожденія! Чѣмъ же ты погрѣшила? Я любилъ тебя, я люблю тебя, ты моя сестра, ты мой другъ, мой истинный другъ!... О чемъ же ты плачешь? Мнѣ надобно плакать! мнѣ, обманутому моими благоговѣрными; мнѣ — существу по истинѣ злополучному, испорченному.

му изъ проспаго быша, опредѣленнаго мнѣ самою природою, и помѣщенному въ среду, совершенно чуждую для бѣднаго пріемыша!... Аминь, сказали они, усыновляя меня! Аминь, повторю я теперь при распорженіи всѣхъ связей, услаждавшихъ жизнь мою. Чуждаюсь обмана, завѣщаешь мнѣ онъ. — Не обману никого!... Узнай, надменный родитель моей Софьи, моей невѣсты — узнай, Князь Любскій, кто таковъ эшопъ Славинъ, эшопъ женихъ, котораго ты почишалъ недоспойнымъ бышь своимъ зятемъ, единственно пошому, что ты вступалъ въ родство съ внукомъ сельского Священника. Не обману тебя, пошомокъ знаменитыхъ предковъ!... По завѣщанію Ипполиша Ивановича Славина, я долженъ свято чтить правду!... Аминь!...

»Что ты запѣваешь, безразсудный! Вспомни о запрещеніи умирающаго опца....»

— Твоего, а не моего. Ты, въ этомъ случаѣ, обязана свято соблюдать его заповѣданіе. Но что касается до тайны моего рожденія, то она принадлежитъ мнѣ. Это, единственное наслѣдіе послѣ того человѣка, который меня призналъ своимъ сыномъ. Это моя собственность. Я могу ею располагать. Не буду разглашать ее во всенародное извѣстіе, но отецъ мой Софьи непременно долженъ все узнать. Смотри! видишь ли ты эти слова, начертанныя рукою добродѣтельнѣйшаго человѣка! Читай! «Отчужденіе всякаго обмана, утаенія истины....» Видишь? Вотъ его приказаніе. Оно мнѣ объявлено съ того свѣта. Могу ли я нару-

шипъ священную волю вишашеля
небесъ?

»Что изъ этого воспослѣдуешь?
разсуди самъ. Князь Любскій оп-
кажетъ тебѣ....»

— Хмъ! вошъ каковы женщины!
Что воспослѣдуешь? Я почему знаю.
Еслибъ начальство послало меня те-
перь въ дѣйствующую армію про-
тивъ Персіянъ — неужели я спалъ
бы расчипывать: что со мною бу-
детъ? Не убьюшъ ли меня? Не ли-
шусь ли я руки или ноги? Нѣтъ!
Велятъ мнѣ — я поѣду отважно.
Чессть дороже всего!

»Знаю!...«

— А если знаешь, о чемъ же ты
хлопочешь? Безчестно бояшься
смерши, что впрочемъ очень есте-
ственно, а не безчестно лишишь
человѣка драгоцѣннѣйшаго достоя-
нія—его собственносши, копорою

онъ одинъ имѣетъ право распола-
гать. Вотъ прекрасное сужденіе!

«О какой собственности идеешь
дѣло?»

— О Княжнѣ Софьи, единственной
дочери Князя Любскаго. Если онъ
такъ кичится знаменитостью своего
рода, если почитаетъ великимъ
пожертвованіемъ — вступленіе въ
родство съ сыномъ почтеннаго
человѣка, съ внукомъ добродѣтель-
наго пастыря сана Христова, то
что сказалъ бы онъ, узнавши, что
его дочь, опросъ знаменитой фа-
миліи, содѣлалась супругою и досто-
яніемъ — Киргизца, за сто рублей
купленного? А что всего важнѣе —
Княжна Любская была бы невѣсткою
крѣпостной женщины, необразован-
ной рабы!... Нѣтъ, Женни! Я обо-
жаю мою Софью, но не намѣренъ
овладѣть ею обманомъ, унасеніемъ

истины! Нѣтъ! исполню волю при-
зрѣвшаго меня!... Аминь и аминь!—

»Теперь я должна упрекать себя
въ неблагоразуміи. Вижу, то несча-
стію, что такова уже судьба всѣхъ
любящихъ тебя. Желая сдѣлать
добро, они причиняютъ тебѣ вредъ;
но въ этомъ случаѣ ты самъ ви-
новатъ! Выслушай меня терпѣли-
во. Покойной папинька, предъ кон-
чиною, объявилъ мнѣ твою тайну.
Это открытіе изумило меня, но
ни мало не опечалило. Напрошивъ,
я какъ будто обрадовалась тому,
что нашла себѣ брата, хотя не
единокровнаго, но любящаго меня
и мною любимаго, лучше всякаго
роднаго. Покойный нашъ отецъ
приказалъ мнѣ опадать тебѣ этою
роковой пакетъ въ то время, ко-
гда ты уже пристроился, а это
слово означало у него женитьбу.

Извѣспивши, меня о своей помолвкѣ, основанной не на расчешахъ, а на взаимной любви; исписавши мнѣ цѣлую страницу изъясненіями швоей радости и выраженіями: блаженство, райское сосшояніе и прочее — ты заспавилъ меня вспоминая о пылкості швоего характера, чрезмѣрнаго во всемъ. Ты не умѣешь ни радоваться, ни печалиться такъ другіе. У тебя—или блаженство, или опчаяніе. Если бы швой необыкновенный умъ не умѣрялъ порывовъ швоихъ спрасшей и не давалъ имъ поспояннаго направле-нія къ добру, то.... извини, милый другъ! я увѣрена, что дикость, необузданность и мспшпельность ко-чующихъ народовъ опражались бы въ тебѣ, какъ въ зеркалъ. Сердце у тебя также добро и просно, какъ и у нихъ. Ты умѣлъ его обра-

зовапъ, умѣлъ имъ воспользовапъ-
ся, но спраши пивои все еще сли-
шкомъ сильны!.... Зная это, я рѣ-
шилась открышь тебѣ нашу шай-
ну, въ то время, когда ты еще
блаженствуешь; когда ты духомъ
заносишься въ какой-то рай. Я
полагала, что это состояніе мо-
жешь быть вѣрнымъ пропивудѣй-
ствіемъ той печали, которую не-
вольнымъ образомъ должно произ-
вести въ тебѣ такое извѣстіе. Въ
этихъ расчетахъ, я руководство-
валась моею любовью. Я хотѣла
въ благопріятную мину и ис-
куснымъ образомъ поразить тебя
этимъ неизбежнымъ ударомъ. —
Вижу, что я ошиблась! Но, до сихъ
поръ еще не все потеряно. Ты не
лишился того ума, или лучше ска-
зашь, того рѣдкаго благоразумія;
которымъ ознаменованы всѣ преж-

нія твои поступки. Надобно только возбудить дѣятельность этой способности, и я попытаюсь это сдѣлать. Если бы я свято исполнила завѣщаніе родительское и не отдавала тебѣ этого гибельнаго пакета до совершенія твоего бракосочетанія, когда уже никакія земныя власпи не разрушили бы твоего союза, скажи, что было бы тогда съ тобою? Какъ бы ты принялъ это извѣстіе?

— Тогда, сказалъ въ раздумьи Славинъ. Тогда.... я считалъ бы себя преступникомъ, нарушившимъ всѣ законы чести; я спалъ бы мучишься и посковаешь; клялъ бы память того, который, скрываясь въ могилѣ, заставилъ меня сдѣлаться гнуснымъ обманщикомъ.—

»Хотя я ожидала совсѣмъ другаго ошвѣта, но положимъ, что

и эштошь годишся. Скажи, что было бы тогда съ швоею супругою? Какую учасшь подарилъ бы ты ей за то, что она вручила тебѣ всю жизнь свою, въ полное швое распоряженіе? Опвѣчай!»

— Правда! учасшь ея была бы самая бѣдственная! Она опрошивѣла бы мнѣ, какъ причина моего пресупленія!—

»Это сознаніе можешъ меня оправдашь въ швоихъ глазахъ. Тогда вы оба были бы на вѣкъ несчастливы. Не правда ли? Теперь кто мѣшаешъ тебѣ быть счастливымъ?

— Прекрасный вопросъ! развѣ я тебѣ не сгъзывалъ? —

»Знаю. Опасеніе, нарушивъ обманомъ долгъ чести. Но открытіе истины сдѣлаешъ ли васъ обоихъ счастливыми? Если бракъ вашъ расторгнешся, то неужели вы будеще

блаженствовать? Теперь спрашиваю тебя, великий философ, что безчестнее: разорвать союзъ, твердо скрѣпленный взаимною любовью двухъ живущихъ, или утаить такое дѣло, въ которомъ нѣтъ ничего преступнаго и которое по снѣнности своей ничего не значитъ?— Въ чемъ болѣе грѣха? Въ томъ ли, чтобы привести въ опечаленіе обманутую.... да! обманутую невѣсту, или въ томъ, чтобы не открывать спѣсивому барину пустой и ни мало до него не касающейся тайны?»

— Что? не тотъ ли самый змѣй, который обольстил первую женщину, говоришь твоими устами? Но я глухъ для всѣхъ этихъ хитрыхъ словъ!—

»Твое упрямство для меня не новосѣль. Но моя привязанность къ

тебѣ еще упрямѣе. Будь глухъ, если хочешь. Я не перестану тебя убѣждашь. Объяви свою шайну Князю Любскому, если хочешь. Я и на это согласна. Но прошу тебя, умоляю тебя только объ одномъ — не поронись! Бракъ твой опложенъ почти на годъ. Въ этошь промежутокъ времени, Князь узнаешъ тебя покороче; ручаюсь даже, что онъ тебя полюбитъ и что счастье, имѣшь такого достойнаго сына, уничтожитъ всѣ его предразсудки. Расскажи ему все предъ свашьбою. Тогда уже поздно будешъ прибѣгать къ стариннымъ причудамъ. Тебѣ предстоитъ еще лучшая будущность. Ты самъ говоришь, что слухи носящся о скоромъ разрывѣ съ Турціею. Вѣроятно и ты пойдешъ въ походъ. Богъ тебя возвратитъ къ намъ цѣла и невреди.

ма. А при должности, побою занимаемой, ты имѣешь всѣ средства оплечиться и быть щедро вознаграждену за свою службу. Это тебѣ придастъ еще болѣе цѣны въ глазахъ Князя. Сверхъ того, ты можешь повѣрить свою тайну Княжнѣ; она, въ продолженіе сего времени, постаралась бы слегка пригостовишь своего отца къ узнанію....»

— Чшо, чшо такое? закричалъ Славинъ. Меня учатъ обманывать и хотятъ, чшобы я Софью сдѣлалъ преступною участницею въ обманѣ! Нѣтъ! Ни ты, ни кто на свѣтѣ не обольститъ меня въ этомъ случаѣ! Не шрашь напрасно словъ, милая Женни!... Такъ вотъ шопъ забавный секретъ, надъ копорымъ я буду смѣяться! Подлинно смѣшно! Ха! ха! ха! ха! Насмоящая комедія! Вотъ тебѣ и женишба на знатной дѣви-

цѣ!... Не достаешь только разительной развязки.... Мнѣ еще должно познакомиться съ моею мапушкою Мапреною.... опчещива ея не знаю! Надобно будетъ намъ разыграть трагическую сцену свиданія, послѣ долговременной разлуки, а въ заключеніе мы всѣ пропоемъ куплеты, копорые я нарочно сей же часъ напишу. Пошли-ка за моею мапушкою!

»Боже мой! онъ не въ своемъ умѣ! гореспно воскликнула Евгенія.»

— *Ужли съ ума сошелъ? Чшо же ты не опвѣчаешь? Это будешь сцена изъ комедіи Грибоѣдова!... Ну, такъ я за тебя скажу слѣдующіе пол-спиха: не то чтобы совсѣмъ!... Не безпокойся, милоспивая Государыня! Я никогда еще не былъ шакъ уменъ, какъ теперь. И доказательствомъ этому будушъ куплеты, ко-*

порые я напишу для прогательной сцены моего свиданія съ продавшею меня мапушкою. Любопышенъ я только знашь, почему она такъ дорого за меня взяла? Сто рублей серебромъ—шутка ли! Спаситель рода человеческого былъ проданъ только за тридцать серебрянниковъ!....

»Творецъ милосердый! Какія ужасныя слова!...

— Ничего, ничего! Пошли же поскорѣе человека, пригласишь сюда мою дражайшую рѣдинельницу. А впрочемъ, если ты будешь упрямиться, то я самъ къ ней поѣду. Изъ этой бумаги мнѣ извѣстно, гдѣ она изволишь квартировать. Явлюсь предъ нею въ полномъ Адъютантскомъ мундирѣ, въ шарфѣ, съ золотыми часами и съ брильянтовымъ кольцомъ на пальцѣ, которое стоить ровно вдвое до-

роже, нежели ея сынъ! Да! я запла-
шилъ за него восемь сотъ рублей!
Пусшь порадуешся моя маминька,
глядя на сына! —

»Другъ мой! братецъ! милый Вик-
торъ! закричала Евгенія, падая къ
ногамъ Славины. Заклинаю тебя Спа-
шителемъ, котораго имя ты сей-
часъ все употребилъ!... Сбразумь-
ся! Неужели ты хочешь, чтобы я
умерла здѣсь у ногъ твоихъ? Не-
ужели ты намѣренъ убить моимъ
горемъ младенца, котораго я но-
шу подъ сердцемъ? Викторъ! вспо-
мни, что ты намъ принадлежишь,
что мы присвоили тебя, купили те-
бя если хочешь, — нашею любовью,
нашимъ родственнымъ расположе-
ніемъ. Гдѣ же теперь твоя со-
вѣсть, твоя честь?

— Всннн, милая Женни! сказалъ,
проливая слезы, распроганный Сла-

винъ. Вспанъ моя сеспра, мой другъ, и проспи мнѣ минушу безумія! Успокойся, ради Бога! Я самъ не знаю, что я говорилъ. Поспараюсь загладить мою вину и буду спокоенъ, ты сама это увидишь. Сядь, мой другъ, и проспи меня!

Плачущая Евгенія нѣжно обняла своего брата.

— Теперь, Женни! прикажи мнѣ подать водки и чего нибудь закусишь; а между тѣмъ пошли сей часъ за Киргизкою.....

»Опять!«

— О нѣтъ, мой другъ! Не бойся ни чего. Даю тебѣ клятвенное обѣщаніе, что при свиданіи съ этою женщиною, я буду остороженъ и не открою ей нашей тайны. Мнѣ только хочется увидѣть ее, хоть разъ въ жизни. Вспомни, что она моя мать; что она четыре года

питала меня, и что одна все-
сильная нужда вынудила ее по-
жертвовать мною. Вѣрь моему сло-
ву, Женни! Ничего не будешь, рѣши-
тельно ничего!

»Изволь! я пошлю за нею, горе-
стно сказала Евгенія.»

Такимъ-то образомъ, не рѣдко слу-
чается, что смертный, насладив-
шись блаженнымъ днемъ своей жиз-
ни, предается временному успокое-
нію, для того, чтобы съ новыми си-
лами, возставши съ одра, паки вку-
шать всю сладость бытія. И внезап-
но прерывающъ его безмяшежный
сонъ! И извѣщающъ пробудившагося,
что все то, что привязывало его
къ жизни, пропало безвозвратно!
Страшный переходъ отъ счастья къ
горести, едва ли не болѣе самой
смерти ужасающій!... Таково было
состояніе несчастнаго Славина. Ему

казалось, что онъ сидишь на приморской скалѣ и взираешь на бурныя пучины, поглотившія все его доспояніе, и все то, что было мило сердцу его. Онъ старался уснокоинься, возводилъ глаза къ небу, испрашивая у Подателя всѣхъ благъ твердости духа и терпѣнія. Но природа не измѣняетъ своихъ законовъ. Мгновенный переломъ судьбы человѣческой, внезапное исторженіе изъ блаженнаго соспоянія, для погруженія въ бездну печалей— всегда бывающъ сопряжены съ неизбѣжною душевною скорбью. Оставалось одно: покориться волѣ Провидѣнія и безропотно предаться своей участи. Такъ и поступилъ Славинъ.

Съ довольно спокойнымъ видомъ вспрѣшилъ онъ человѣка, принесшаго ему завшракъ; поѣлъ съ по-

рядочнымъ апешипомъ, и равнодушно сдѣлалъ выговоръ Николаю Никифоровичу за то, что поданная имъ шрубка была не вычищена. Мѣрными шагами расхаживалъ онъ по комнатѣ, въ ожиданіи спраш-наго явленія шой, кошую онъ обязанъ былъ увидѣть....

»Поди сюда, Машрена, сказала Евгения отворяя дверь.

Славинъ запрепешалъ.

Въ комнату вошла женщина сухощавая, смуглая, съ смиреннымъ лицомъ и съ сверкающими черными глазами. Голова ея была обвязана бумажнымъ плашкомъ; простое сипцовое плаще и зеленый драдедамовый плашокъ на плечахъ, сшюившій не болѣе десяти рублей, и вѣроятно — самое богатое достояніе пришедшей, составляли весь нарядъ родной машери Слави-

на, осыпаннаго всѣми дарами Фортуны.

Женщина, возведя взоры къ святой иконѣ, помолилась, почтительно поклоуилась Славину и, сжавши руки, безмолвно ожидала его приказаній.

Славинъ безмолвно расхаживалъ изъ одного угла въ другой.

»Воптъ, мой другъ, сказала наконецъ Евгенія. Воптъ та Киргизка, кошорую ты желалъ видѣть.»

— Да! правда! Какъ тебя зовутъ, голубушка?—

»Машреною, батюшка, опивчала женщина съ низкимъ поклономъ.»

— Помнишь ли ты меня?—

»Помню, батюшка. Вы еще были тогда маленькіе, когда я васъ видѣла.»

Машрена говорила не чисто по

Русски, но довольно вняшно. Выговоръ ея былъ похожъ на ребячье кособокоязычье. По всему замѣтно было, что нужда заставила ее научиться чуждому ей нарѣчю. Это замѣчаніе сильно подѣйствовало на пламенную душу Виктюра.

— У тебя былъ сынъ, котораго ты продала? —

»Былъ, бапюшка. Много я съ нимъ горя понесла. Зима приближалась; въ ордѣ былъ падежъ на скошину. Нечемъ было мнѣ кормиться; и Христа ради выпросила, чтобы меня провели сюда. Казаки пропустили и я продала мое дѣшнще. Думала, будетъ ему лучше у добрыхъ людей. Да Господь его къ себѣ взялъ! При сихъ словахъ, Киргизка перекрестилась и утерла слезы.

— Куда же дѣвался твой мужъ? —

»У меня мужа не было, башюшка, проспосердечно отвѣчала Машрена.«

— Не было мужа! воскликнулъ Славинъ въ сильномъ смятеніи. Да кто же отецъ твоего сына?—

Киргизка, покраснѣвши, пошупила глаза и не отвѣчала.

»Викторъ! Викторъ! оставь эти распросы, сказала по Французски Евгенийя.»

— Нельзя, сесприца, никакъ нельзя! Я непременно хочу знать, кто былъ мой отецъ? Говори же, голубушка, сказалъ онъ обратившись къ Машренѣ. Чей сынъ былъ шопъ, котораго ты продала? Я его помню; этого мальчика, я любилъ будучи ребенкомъ и награжу тебя, если ты мнѣ все расскажешь. —

»Вопъ изволише видѣшь, башюшка, помнымъ голосомъ сказала Киргизка. Когда я была еще очень мо-

дода, наша орда прикочевала къ самому Уралу, прошивъ казацкой станицы. Я была сирота безъ отца, безъ матери; былъ у меня одинъ братъ, да и шопъ уѣхалъ, и съ шѣхъ поръ я его не видала. Меня сманилъ Казакъ. Я пошла къ нему и жила у него около года....

— И ты родила сына?

»Нѣтъ, башюшка! я была беременна. Казакъ задумалъ женишьясь, нашелъ себѣ невѣсту, и выгналъ меня вонъ изъ своего дома.»

— Выгналъ вонъ? беременную?

»Да, башюшка! Я кланялась ему въ ноги, просила его не оставишь меня. Онъ смѣялся надо мною.... Нечего мнѣ было дѣлать! Я переправилась черезъ Уралъ и ушла въ степь съ кускомъ хлѣба, который пошухоньку унесла у Казака. Богъ мнѣ помогъ! На другой день я добрела

Часть II.

до Киргизской орды. Меня тамъ приняли, помѣстили въ услуженіе къ одному спаршинѣ. Тамъ я родила сына, съ которымъ таскалась чешыре года по степи....

— Постой! закричалъ Савинъ, приложивши руку ко лбу и чинно-по припоминая. Ты таскалась съ этимъ сыномъ.... по степи.... помнился.... однажды.... зимою или весною.... переправлялись черезъ рѣку или черезъ оврагъ, наполненный снѣгомъ и водою.... Ты.... чунь было не ушонула.... и человекъ, на лошади.... только что схватилъ своего младенца.... Тебя.... вышпачили.... полумертвую....

»Точно такъ, бапюшка. Это было по веснѣ и не далеко отъ Оренбурга. Моему дитяти былъ тогда чешвертый годочикъ.»

— Сшало бытъ это не мечта,

сказалъ Славинъ по Французски. Стало бытъ, это не иное что, какъ темное воспоминаніе о случившемся со мною во младенчествѣ! А я, почти гошовъ былъ вѣришь переселенію душъ и полагаю, что эти неясныя, непоспимыя сновидѣнія, такъ часто возобновлявшіяся въ одномъ и томъ же видѣ, напоминали мнѣ какую-то прежнюю жизнь, предшествовавшую моему рожденію! И подлинно была прежняя жизнь, изъ которой меня испоргнули!...

Славинъ залился слезами.

«О! мой другъ! именемъ Бога заклинаю тебя, оставишь эти расспросы! — Вошь, Мапрена, сказала Евгенія. Братецъ мой помнишь все то, что рассказывалъ ему пивой сынъ. Они любили другъ друга и да-

же теперъ брашець плачешъ объ немъ.»

Киргизка сама заплакала и низко поклонилась.

— Скажи мнѣ, голубушка, въ которой сшаницѣ ты жила у Казака?

»Не помню, бапюшка. Я тогда по Русски говоришь не умѣла и была очень молода.»

— По крайней мѣрѣ ты помнишь какъ звали эшого Казака?

»Его звали.... Рамолаемъ.»

— Ермолаемъ?

»Такъ, бапюшка, шакъ! Мнѣ только памятно, какъ сквозь сонъ, что однажды онъ опалилъ себѣ лице порохомъ и я много плакала, а онъ говорилъ: ничего, ничего!»

— Ты вѣрно помнишь, какого онъ былъ росла? какого лица?

»Да.... роспомъ былъ онъ съ ва-
шу милосшъ, а лицемъ.... лицемъ....«

Сказавши эшо, Киргизка съ изу-
мленіемъ спала вглядывапсья въ
Славина.

— Онъ былъ похожъ на меня?

»Да, батюшка, очень похожъ на
вашу милосшъ!»

Евгенія, боясь послѣдствій всѣхъ
эпихъ изысканій, съ досадою сказа-
ла: »Довольно, мой другъ! за чѣмъ
ты мучишь бѣдную женщину ра-
спросами о томъ, что она уже по-
забыла. Поди сюда, Матрена, вы-
пей рюмку водки и спуйай до-
мой.

— Нѣтъ, погоди! закричалъ Сла-
винъ. Скажи мнѣ, Матрена, ты пе-
перь замужемъ?

»Замужемъ, батюшка.»

— Еспъ у тебя дѣти?

»Двѣ дочери, батюшка. Одна за-

мужемъ за мѣщаниномъ, а другая въ дѣвушкахъ.»

— Дай Богъ имъ счастья! А между тѣмъ.... вошь я поручаю моей сестрѣ, отданъ имъ.... (Славинъ ошворилъ шкапулку). Женинъ! тысячу рублей дославъ ей дочери, которая за мѣщаниномъ. А изъ этой тысячи, выкупи меньшую мою сестру.... Э!.... то есть меньшую дочь этой женщины; остальное дай ей въ приданое. А ты, Маврина, возьми это! — и положи въ руку двадцать полумисеріаловъ. »Тысячу равно сто рублей серебромъ. За эту сумму, ты продала своего сына. На эти деньги — купи себѣ другаго. А тотъ уже проданъ и не принадлежитъ тебѣ!»

Киргизка упала въ ноги щедрому Славину.

— Боже мой! этого еще не доставало! дико закричалъ Викторъ.

»Встань, Машрена, встань! говорила Евгенія подымая обрадованную женщину. Братецъ этого не любилъ. Въ землю кланяюшся только въ церкви, предъ образомъ Божьимъ. Поди сюда. Выпей водки, за здоровье барина. Вотъ шакъ! хорошо! Теперь спупай домой....

— Нѣтъ! закричалъ Славинъ по Французски. Дай мнѣ ее обняшь, проспишься съ нею. Вспомни, что эта грудь меня пишала, что дыханіе ея успѣ меня согрѣвало, когда я изнемогалъ отъ спужа. Эти руки, сказалъ онъ съ чувствомъ сжимая руки Киргизки, носили меня по неизмѣримой степи. Сколько нужды, сколько бѣдствій она сама потерпѣла, и не покинула своего сына! Она продала меня, это прав-

да! Но если бы теперь ей сказали, что я пошлѣ самый сынъ, съ которымъ она вынуждена была разстаться, что я не умеръ, что я нахожусь предъ ней, что она не потеряла своихъ правъ надо мною.... Женни! можешь ли ты ручаться, что въ этой полудикой женщинѣ не возобновилась бы вся горячность материнской любви? Что она не прижала бы меня къ сердцу, съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ я теперь прижимаюсь къ ея груди....

»Довольно, и слишкомъ довольно, съ сурогимъ видомъ сказала Евгения. Помни свое обѣщаніе, и не разрушай счастливаго и спокойнаго состоянія бѣдной женщины. Твои театральныя выходки вовсе не у мѣста.»

— Если это театральныя выход-

ки, шо я ни мало не виновашъ въ томъ, чшо судьба заспавляешъ меня разыгрывашъ трагедію.

»Хорошо, хорошо! Мы послѣ объ этомъ поговоримъ!... Спупай домой, Машрена. Братецъ шакъ разспрогался, глядя на тебл. Поди, голубушка.»

Машрена, низко кланяясь, облобызала руку у Евгеніи и подошла къ Славину, который, обнявши ее нѣжно, поцѣловалъ въ щеку и вдругъ отошелъ въ другой конецъ комнаты. Машрена ушла.

По уходѣ ея начала горько плакать Евгенія.

»Эшо была пышка для меня, милый Викпюръ, сказала она. Я жила до сихъ поръ счастливо! я любила и люблю тебл, ты былъ моею надеждою, почпи могу сказать—моимъ провидѣніемъ. И теперъ я обя-

зана видѣшь въ тебѣ какого-то
безумнаго энтузіаста, который
не въ силахъ совладать съ поры-
вами своихъ страстей. И къ чему
все это ведешь! Согрѣшу предъ
Богомъ, и обвиню покойнаго бабю-
шку въ томъ, что онъ, безъ всякой
надобности, открылъ тебѣ несча-
стную тайну твоего рожденія.
Онъ слишкомъ полагался на свое
благоразуміе, и никакъ не предви-
дѣлъ, что безъ этого открытія,
мы были бы гораздо счастливѣе!»

— Можешь быть! отвѣчалъ Сла-
винъ съ мрачнымъ видомъ.

»Но главная причина этого раз-
стройства заключается въ тво-
емъ упорствѣ, въ ложномъ пониманіи
о чести....»

— Въ ложномъ? прервалъ Славинъ.

»Да, въ ложномъ! потому что
честь имѣешь свои предѣлы; а ес-

ли кто, по своему обыкновению, не знаетъ ни въ чемъ умеренности, если кто, подобно тебѣ, все преувеличиваетъ, спарается все распространить до бесконечности, тогда изъ самой чести дѣлаетъ не утѣшеніе жизни, не залогъ взаимнаго благосостоянія живущихъ, а какое-то спрашилище, какого-то дракона всепожирающаго. Это называется фанатизмомъ, милый Викторъ. Извини меня въ томъ, что я, женщина неученая, осмѣливаюсь тебѣ преподавать уроки, не философіи, а истины и здраваго разсудка. — Этого фанатизма, эта неумѣренность замѣтны у тебя во всемъ, что касается до тебя собственно. Ты не умѣешь быть счастливымъ—ты хочешь блаженствовать; въ неизбежной минутѣ огорченія, у тебя не достаетъ

твердости духа. Ты ищешь опечаленія, и по несчастію находишь его. Доказательствомъ можешь служишь нынѣшній день. Разсмотри хорошенько, что причиною твоего жестокаго, раздирающаго мою душу положенія? Безразсудное намереніе обнаружитъ тайну, которая преспокойно умерла бы съ нами. И послѣдствіемъ этого долженъ быть разрывъ священнѣйшаго союза. Брагнецъ! иногда и собственнѣйшій проступокъ, давно заглаженный раскаяньемъ, человѣкъ обязанъ скрывать для того, чтобы не разрушать порядка и семейственнаго счастья; а ты хочешь изрыть для себя пропасть, открытіемъ какого происшествія, въ которомъ ни ты и ни кто не преступилъ спра- жайшихъ законовъ нравственности! Подумай хорошенько!»

— Нечего думать. Теперь я постигаю настоящую причину того спокойнаго и счастливаго состоянія, коимъ я такъ любовался въ домѣ Федосьи Андреевны и въ кругу своего семейства. На чемъ оно основано? На безчувственности, на усыпленіи совѣсти, и мнѣ предлагающъ послѣдовать этому обыкновенію! Слуга покорный! — Не спорю, что мои страсти слишкомъ пылки; охотно соглашаюсь съ тѣмъ, что сердце мое черезчуръ раздражительно и въ движеніяхъ своихъ чуждо умеренности. Но всѣ вы не знаете, что у меня раздражительное всего совѣсть, эпощъ фокусъ истины и добродѣтели. Порицайте меня сколько хотите, но съ совѣстью моею я буду обращаться, какъ съ человѣкомъ слабаго здоровья. Никогда ни

чѣмъ не пошревожу ее!... Утѣше-
ніемъ истины, я могу упрочить
блаженный союзъ съ милою Софь-
ею; но совѣсть будетъ меня тер-
зать въ самыхъ обѣщаніяхъ моей
супруги, въ кругу моего семейства,
въ каждомъ обществѣ моей
жизни!... Не превожься, милая Жен-
ни! Я все обдумалъ и не поступлю
безразсудно. Тайна должна быть
открыта Князю Любскому; но я
имѣю въ семъ случаѣ могуществен-
наго посредника въ Графѣ Рѣшимо-
вѣ. Этого благородный и почтен-
ный человекъ, постарается все
уладить. Будь спокойна и надѣйся!
А я.... отваживаюсь на все! Что бу-
детъ, то будетъ! Долгу своему не
измѣню!....

Вотъ что написалъ Славинъ къ
Графу Рѣшимову.

»Мнѣ предстояло блаженство въ

сей жизни. Вы признали меня достойнымъ руки обожаемой мною Софьи. Согласіе ея родителей, хотя и вынужденное, повидимому упрочивало счастливый союзъ. Все то, что смертные могли сдѣлать для ближняго, было сдѣлано для меня вами. Но есть Провидѣніе, коего судьбы неисповѣдимы. Оному не угодно было благословить мой бракъ. Мнѣ открыта ужасная тайна, которую повѣряю вамъ, мужъ почтенный и благородный! Изъ приложенной при семъ бумаги вы узнаете, кого хотѣли вы удостоить чести вѣнчанія въ родство съ вами. Вы чужды предразсудковъ, мнѣ это извѣстно. И если бы судьба моя зависѣла единственно отъ васъ, то я былъ бы въ полной увѣренности, что чистосердечное мое объявленіе, о такомъ произ-

шестви, которое никакъ не можеть быть мнѣ причтено въ вину, не уменьшило бы вашего благорасположенія ко мнѣ. Но Князь Любскій судишь иначе. Его понятія о неравенствѣ состояній, принадлежатъ не ему собственно, а его воспитанію, правиламъ поселеннымъ въ немъ съ младенческихъ лѣтъ. Онъ не можеть замѣнить ихъ другими. Они закоренились въ немъ. Честный человекъ обязанъ уважать самыя недосланки ближняго, если оныя происходятъ не отъ дурныхъ склонностей, а отъ привычекъ, вселенныхъ съ самаго начала бытія. — Преданнѣе прошу, Ваше Сіятельство, открыть мою тайну Князю Любскому, съ тѣмъ условіемъ, чѣмъ онъ дастъ клятвенное обѣщаніе, никогда и ни кому оной не объявлять. На вашъ

счесть я совершенно спокоенъ. Великодушный и благородный Графъ Рѣшимовъ умѣетъ уважать несчастіе.... Въ отношеніи къ Князю, я исполняю мой долгъ; посмотримъ, какъ онъ поступитъ со мною! — Я облегчаю мою совѣсть, сообщеніемъ ему споль важнаго для меня извѣстія, и по смерти моей спокойно предстану на судъ Всевышняго, на судъ неизбѣжный для всѣхъ Князей и сильныхъ сего міра. Какъ рѣшится опецъ моей Софьи—этого не знаю. Ожидаю скорѣйшаго извѣдомленія отъ Вашего Сіятельства, и проч.»

Славинъ самъ опнесъ на почту письмо и роковое извѣщеніе своего названнаго отца. Эта посылка облегчила его душу. Онъ опять началъ посѣщать Оренбургскихъ знакомцевъ, и въ замѣтномъ своемъ уныніи, изви-

нлся разстройствомъ здоровья. Евгения не спускала съ него глазъ, но онъ уже ни слова не говорилъ ей о пагубной тайнѣ. Евгения спрадала, угадывая страшныя послѣдствія этого несчастнаго открытія; Славинъ спрадалъ еще болѣе.

Г Л А В А IV.

Развязка Мелодрамы.

«Кой чортъ! я ничего не понимаю, думалъ Графъ Рѣшимовъ. Чпо за романическое посланіе! чпо за вздоръ! Неужели это писалъ нашъ умный, разсудительный Славинъ? Письмо, ни дашь ни взяшь, какъ будто заимствовано изъ какой нибудь глупой драмы! Однако посмотришь, въ чемъ состоишь важная тайна.» По прочтеніи рукописи покойнаго Славина, Графъ Рѣшимовъ призадумался.... »Спранное приключеніе! А впрочемъ Викторъ правду говоришь. Если бы Софья совершенно зависѣла отъ меня, то все дѣло обошлось бы безъ хлоп-

помѣ; но этошъ глупый Князь!... Какъ убѣдишь его въ шомъ, что Славинъ, опкуда бы ни былъ родомъ, но уже имѣетъ дворянское званіе и чинъ и фамилію, копорые принадлежатъ ему неопъемлемо? Не лучше ли упашъ опъ него все это? Нельзя! Славинъ настояшнелъно проситъ опкрышь ему эту шайну.. Дѣлать нечего! Только надобно придумашъ, какъ бы искусиѣ все это уладишь?»

»Гдѣ ты былъ шакъ долго вчера? спросилъ Князя Графъ Рѣшимовъ, усѣвшисъ съ нимъ въ диванной.»

— Во Французскомъ Театрѣ, mon cher. Опшуда проѣхалъ въ Клубъ и провелъ за босшономъ цѣлый вечеръ.

Скажи лучше—всю ночь! Вошъ уже подлинно пусшой человекъ! Безъ каршъ и безъ Театра, не зна-

есть что дѣлать вечеромъ? Да скажи пожалуй, почему ты такъ за-
ладилъ ѣздить во Французскій Те-
атръ? У насъ здѣсь есть и Рус-
скій и Нѣмецкій, которые не толь-
ко не хуже Французскаго, но даже
можно сказать безъ грѣха — гораз-
до лучше!»

— Это уже такъ принято, ми-
лый, что свѣтскій человѣкъ дол-
женъ посѣщать Французскіе спек-
такли исключительно.

»Изъ этого исключительнаго, я
исключаю себя. Всѣ вы ѣздите въ
Театръ, единственно для того,
чтобъ не сидѣть дома. Я рѣдко
посѣщаю спектакли, но за то
вполнѣ ими наслаждаюсь. Сверхъ то-
го, здѣсь у насъ Французскіе Акте-
ры даютъ только небольшія ко-
медіи и водевили. Это слишкомъ
однообразно! Каждый вечеръ видишь

одно и то же! Толи дѣло репершу-
аръ Нѣмецкаго Театра!»

— Я плохо понимаю Нѣмецкій
языкъ, mon cher.

»О твоихъ плохихъ пониманіяхъ не-
чего спорить.

— Ты опять принялся за Сати-
ру, братецъ! Не вѣдь же бышь
учеными людьми.

»Я самъ не ученый, и сказалъ это
не въ укоризну тебѣ. А признаюсь
— мнѣ досадно видѣть нашихъ Рус-
скихъ Императоровъ, которые всѣ
свои подвиги ограничиваютъ ме-
лочами. Напишутъ собою стихи-
твореній, посланій, элегій, прекрас-
ными, гладкими стихами и дума-
ютъ, что уже совершили Геркуле-
совскіе подвиги на поприщѣ словес-
ности. Не шакъ поступаютъ Нѣм-
цы! Они увлекаютъ читателей вѣр-
нымъ изображеніемъ человека и

его спрасшей. Въ эпомъ и Французы начали имъ подражать. Гордымъ Парижанамъ наскучили при единспва и безконечныя племена Апридовъ. Они уже приступили къ дѣлу, и пишутъ какъ должно.»

— Чшо ты говоришъ, Графъ? Неужели Французы согласяшся забыть Корнеля, Расина, Вольшера и другихъ? Не повѣрю! Они уже признаны великими прагиками.

»Никшо не опнимаешъ у нихъ этой чеспи. И Расинъ, и Корнель, и Вольперъ заслужили наименованіе великихъ писателей. Но разсуди самъ! Неужели то, чшо нравилось назадъ тому сто лѣтъ, должно нравиться до сихъ поръ, и не замѣняшся ничѣмъ? Вошъ самъ ты, страстный любитель Французскаго Театра, чшо ясно дока-

зывается сотнями тысячъ, издержанными побою на Французскую Акпрису....»

— Не грѣхъ ли тебѣ, mon cher, меня упрекать....

«Какіе шутъ упреки? Дѣло идетъ не о нравственности, а о Драматическомъ искусствѣ. Спрашиваю тебя: неужели ты согласишься, непрерывно слушать жалобы Андромахи или напыщенные выходы Ахиллеса? Неужели, кромѣ Греческихъ Царей, сцена не можетъ тебѣ представить ничего занимательнаго? Недавно видѣлъ я, на Нѣмецкомъ Театрѣ, мелодраму, переведенную съ Французскаго, и признаюсь, что она мнѣ понравилась болѣе, нежели всѣ старинные и обветшалые разговоры Агамемнонова семейства.»

— Что за мелодрама?

»Названія — не припомню. А содержаніе могу тебѣ разсказать. Дѣйствіе происходитъ во Франціи, въ новѣйшую эпоху. Эмигрантъ, человекъ знатнаго рода, Дюкъ или Князь, возвращается въ свое отечество, съ молодою дочерью, рожденною во время изгнанія; вслѣдуетъ во владѣніе всѣхъ помѣстій, принадлежавшихъ его предкамъ, пользуется милостями Короля и какъ водится, ни за что на свѣтѣ не намѣренъ опсшать опъ правилъ аристокраціи прежняго Французскаго дворянства. Дочь его, мало заботящаяся о знатности — плѣнила одного молодого, храбраго офицера, рожденнаго во время революціи, когда всѣ сословія были перемѣшаны. Отецъ красавицы, Дюкъ или Князь, не помню!... не претягиваетъ склонности своей

дочери, тѣмъ болѣе, что по справкамъ оказалось, что молодой человекъ принадлежишь къ знатному роду, что онъ единственный сынъ и наследникъ умершей Маркизы, и по возстановленіи Королевства, принялъ титулъ своихъ предковъ.»

— Это очень интересно, mon cher. Что же далѣе?

»Далѣе, начинается завязка. Отецъ согласенъ выдать свою дочь за героя пьесы. Въ замкѣ молодаго Маркиза все готовится къ празднеству бракосочетанія. Вдругъ являеся пресварѣлый нищій, и непременно требуетъ свиданія съ женихомъ, сказавши, что онъ долженъ открыть ему важную тайну.»

— Прекрасно, mon cher, прекрасно!

»Маркизъ какъ будто испугался, самъ не вѣдая по какой причинѣ; но... ты знаешь? храбрый воинъ

всегда бываешь опваженъ. Въ пьесъ это очень хорошо изображено!... Маркизь принимаетъ къ себѣ нищаго, и узнаешь.... какъ ты думаешь? что онъ узнаетъ?»

— Ну, могу ли я угадать.

»Маркизь узнаетъ, что названная его мапушка, Госпожа Маркиза, лишилась малолѣшняго сына, и не желая вмѣстѣ съ нимъ лишиться огромнаго достоянія, купила однолѣшняго младенца у какого-то бродяги, кошорый вскрѣ былъ сосланъ на галеры за пресупленіе. Маркиза унесла въ могилу эту шайну; но отецъ, освобожденный послѣ двадцати лѣтней галерной неволи, является къ своему сыну, съ докуменшами, и требуетъ отъ него не только денегъ, даже всѣхъ правъ родишеля. Каково положеніе бѣднаго молодаго чеговѣка?»

— Ужасное, милой! Истинно дра-
матическое! Вотъ это эффектная
сцена! Чѣмъ же все кончится?

»Угадай самъ развязку.»

— Я полагаю, что это какъ ни-
будь уладилось безъ ужасныхъ по-
слѣдствій?

»Именно. И все это окончилъ
отецъ красавицы, который не вмѣ-
нилъ будущему своему зятю въ
вину такого несчастнаго приключе-
нія, о которомъ онъ самъ не зналъ.
Дюкъ рѣшилъ, что если бродяга
продалъ своего сына, то потерялъ
на него всѣ права. Сверхъ того,
онъ общался исходатайствовать
отъ Короля защиту молодому че-
ловѣку и утвержденіе его во всѣхъ
правахъ, которыми онъ пользовал-
ся.

— Вотъ это лучше всего. Мнѣ
очень нравится характеръ этого

Дюка. Человѣкъ благородный, безъ предразсудковъ....

»Славно, брашъ Павелъ! радостно воскликнулъ Графъ. Теперъ я вижу, чшо ты самъ начинаешь опсшавать опъ прежнихъ твоихъ причудъ. Но мы уже довольно пополнили о театрѣ; теперъ поговоримъ о дѣлѣ. Звасешь ли ты, чшо я долженъ тебѣ опкрыть важную тайну?...»

— Тайну, mon cher? И.... эшо до меня касаетсѣя?

»Опчаспи. Только эшо ужасная тайна, и я не иначе могу тебѣ ее сообщить, какъ съ такимъ условіемъ, чшобъ ты далъ клятвенное обѣщаніе никогда и ни кому не опкрывать того, чшо ты узнаешь.»

— Спало бытъ эшо важное дѣло, mon cher?

»Не Государственное. Но это чужой секретъ и слѣдовательно — дѣло святое.«

— Изволь, Графъ! Я тебѣ клянусь передъ Богомъ, что никогда, ни гдѣ и ни кому не опкрою этой тайны.

»Слушай же. Я надосугъ сочинялъ тебѣ мелодраму, а ты придѣлалъ къ ней развязку, именно такую, какой мнѣ хошѣлось. Будь же твердъ въ своихъ правилахъ, Князь! Ты похвалилъ благородство характера и опщужденіе предразсудковъ небывалаго Дюка. Послѣдуй же примѣру, удостоенному твоей похвалы и опрекись отъ предразсудковъ.«

— Что значить это предисловіе? спросилъ испуганный Князь.

»Вошѣ въ чемъ всѣ дѣло. Будущій твой зять, Славинъ, не настоящій, а подложный сынъ покойнаго

Ипполита Ивановича. Викторъ, не иное что, какъ Киргизецъ, въ малолѣтствѣ купленный для Княгини Холмской и усыновленный почтеннымъ Славинымъ. Женихъ своей дочери самъ не зналъ этой тайны до нынѣшней поѣздки въ Оренбургъ. Лишь только онъ провѣдалъ объ этомъ, изъ завѣщанія покойнаго отца, то не замедля ни мало описалъ мнѣ эту исторію, прося сообщить оную тебѣ. Какъ благородный и честный человекъ, онъ не хотѣлъ обманывать будущаго своего шеспя.»

— Возможно ли! Да это настоящій романъ! Ah! mon Dieu! mon Dieu! je n'en reviens pas!... Вотъ видишь, братецъ! ты всегда меня бранишь и называешь глупцемъ. Вотъ! предчувствіе меня не обмануло. Я какъ будто угадывалъ, что шутъ бу-

дешъ помѣха и опложилъ свапъбу на годъ. Чпо если бы я позволилъ имъ обвѣнчашься!

»Чпо же за бѣда? Они обвѣнчаются въ будущемъ году.»

— Нѣтъ, топ счег, слуга покорный! этому не бывашь!

»Какъ не бывашь! сердито закричалъ Графъ. Вѣдь ты далъ слово?»

— Никогда я слова не давалъ. Я позволилъ моей дочери выдти за эшого челоуѣка или за другаго, а Славину я опниюдъ не обѣщаль руки моей дочери. Нѣтъ, Графъ! воля швоя. Скрѣпя сердце, рѣшился я вступишь въ родство съ поповичемъ, а ты думаешь, чпо теперь я признаю сыномъ крѣпостнаго челоуѣка! Помилуй!

»О какомъ крѣпостномъ ты говоришь?»

— О швоемъ Славинѣ. Купленному Киргизцу женишься на Русской Княжнѣ! Этому позору не бывашь въ родѣ Любскихъ.

»А хваленое тобою опчужденіе предразсудковъ?»

— Хорошо въ мелодрамѣ, и если бы я сочинялъ театральную пьесу, то конечно высшавилъ бы на сценѣ такой великодушный поступокъ. Но въ нашемъ обшпояпельствѣ дѣйствуютъ не Акшеры, которые, по окончаніи спектакля, снимаются съ себя знаменитыя пишла, вмѣстѣ съ костюмомъ. Нѣшъ, mon cher! Я не посрамлю своего рода. Пожалуй, много у насъ опыщется Калмычашъ, Киргизяшъ, Кара Калпаковъ и другихъ степныхъ выходцевъ, которыхъ покупаютъ какъ обезьянъ и попугаевъ, единственпо для забавы. Не прикажете ли ихъ всѣхъ

пережити на знашнѣйшихъ дѣ-
вицахъ нашего опечесства, на Княж-
нахъ, на Графиняхъ? Ишь, брашець!
я не слѣую эшой модной философіи,
и не измѣню моимъ правиламъ!
Вопи, на счетъ пайны Славина, я
сдержу данное слово, и никогда ее
не объявлю ни кому! а зящемъ мо-
имъ.... ему не бывашь!

»Послушай, упрямецъ. Я уже преж-
де тебѣ говорилъ, что ты не иное
что, какъ жалкая и бесполезная оп-
расль знаменишаго рода. Лучше ли
Славина былъ твой предокъ? Отку-
да онъ взялся, откуда вышелъ?
Это ни кому неизвѣстно. Почему же
ты не хочешь, чтобъ благородный,
умный, честный, человекъ не при-
далъ новаго блеска твоей фамилии,
увядающей въ бездѣйствіи и въ
полномъ смыслѣ похожей на бога-
тое старинное платье, негодное

къ употребленію? Вспомни, что въ наше время Императоръ, коего родъ постоянно сидѣлъ на Престолѣ, выдалъ дочь свою за бѣднаго Корсиканскаго выходца, не предками, не родословіемъ, а великими дѣлами спяжавшаго право вступити въ родство съ Вѣнценосцемъ.»

— Эпопъ примѣръ не у мѣста, любезный Графъ! Императоръ Французовъ женился на дочери Императора Австрійскаго: бездѣлица! Сверхъ того, если мы сообразимъ всѣ обстоятельства, то увидимъ, что эпопъ союзъ былъ необходимъ. Что же касается до меня, то я не вижу никакой надобности вступать въ родство съ Киргизцами и съ Башкирцами. Прошу не прогнѣвашся!

»Ну такъ я хочу, чтобъ Софья была за Славинымъ, сказалъ Графъ.»

— А я не хочу, mon cher. И этому не бывать.

»Будешь! закричалъ Графъ.

— Еще разъ повторю, что этому не бывать, равнодушно отвѣчалъ Князь.

На громкій возгласъ Графа, прибѣжала его супруга. »Вы опять поссорились? спросила она.

— Поссорились и не на шутку, отвѣчалъ Графъ. Этошъ упрямецъ, болѣе похожій на осла, нежели на человека, хочетъ распрогнуть бракъ Софьи съ Славнымъ. Но я возьму такія мѣры, что Княжеская спѣсь вынуждена будетъ смириться. Я обнаружу безпутное поведеніе того негодяя, который промоталъ половину имѣнія на Акпрису....

»Это что значить? сказалъ раздраженный Князь. Меня здѣсь на-

зываютъ осломъ и негодяемъ? Графъ Рѣшимовъ сдѣлался судьей моего поведенія? Хорошо же! я докажу, что я не боюсь угрозъ Господина Генерала Аншефа!—Эй! (позвонивши въ колокольчикъ); позовите сюда Княжну Софью Павловну!... Мы увидимъ!»

— Посмотримъ! полюбujemyся! Только я тебѣ напередъ объявляю, что Софья не послушается тебя.

»Увидимъ!»

Княжна пришла.

»Софья Павловна, сказалъ ей съ важнымъ видомъ отецъ, раскраснѣвшійся отъ злости. Я позволилъ тебѣ выбрать жениха. Ты выбрала Славина. По многимъ причинамъ, я не намѣренъ признашь его моимъ зятемъ. Не препящивую тебѣ выйти за него; но ежели онъ будешь твоимъ мужемъ, вопреки

моему желанію, то я напередъ лишаю тебя моего родительскаго благословенія, и даже поражаю тебя моимъ....»

— Не договаривайте, папинька! не договаривайте, ради Бога! закричала Софья. Я не знаю.... тѣхъ причинъ.... по которымъ, вы пропивитесь моему счастью!... Я даже не хочу знать.... Воля родителя.... для меня священна!... Вотъ! возьмите!... Это мое обручальное кольцо! Въ первую минуту объясненія въ любви, я взяла его у Славина и надѣялась.... носить по гробъ мой!... Вамъ не угодно.... Воля ваша! Отказываюсь опъ моего жениха и никогда не буду его супругою!...

По произнесеніи сихъ словъ, задыхающимся голосомъ — Софья упала въ обморокъ. Испуганная Графиня бросилась къ ней. Грифъ Рѣши-

мовъ препеталъ опъ сильнаго волненія крови и не могъ ничего выговорить. Князь Любскій взялъ кольцо, и вспавши съ дивана, просяжно сказалъ: »Ну, что взяли, мои Высокопревосходительные повелишели? Вотъ вамъ и угрозы! Весь вашъ кредитъ, вся ваша сила, рушились предъ моею властью. Вы хотѣли заспавить меня сыграть мелодраму? Вотъ вамъ развязка! Adieu!»

Медленно вышелъ онъ изъ комнаты и отправился въ низъ, въ свои покои. »Андрей, сказалъ онъ своему камердинеру, показывая кольцо. Приготовь какую нибудь коробочку; это надобно отправить по почте.« Потомъ спалъ искалъ въ Календарѣ, когда отходить почта въ Оренбургъ? Не нашелъ названія этого города, подосадовалъ на Академію за неисправности и по дол-

гомъ соображеніи наконецъ догадался, что эта почта принадлежишь къ числу замосковныхъ, слѣдовательно опходишь всякій день. Онъ написалъ къ Славину короткое письмо, и въ ожиданіи времени ѣхашъ въ Театръ, занялся гранпасьянсомъ, напѣвая водевильные куплеты, кошорые напвердила ему возлюбленная прелестница Парижскихъ бульварныхъ Театровъ. — Между тѣмъ онъ вспомнилъ свой чудный сонъ. »Онъ собылся, пробормоталъ съ досадою Князь, шолько не во всемъ!...«

Домъ Графа Рѣшимова, домъ мирный, счастливый и гостепріимный внезапно содѣлался домомъ плача. Графъ принужденъ былъ пусшить кровь; Княжна Софья занемогла первическою горячкою; огорченная Графиня не знала, какъ раздѣлишь ей

время между больнымъ супругомъ и умирающею племянницею; по обширному знакомству Графа, по уваженію, коимъ онъ пользовался въ Столицѣ, ежедневно вся улица загромождена была экипажами посѣпителей, узнавшихъ о столь гореспныхъ событіяхъ. Всѣ спрашивали о причинѣ этого несчастнаго разрыва, и ни кому нельзя было объявить другой, кромѣ своенравія Князя Любскаго. Сей послѣдній уже не входилъ въ комнаты Графа. Онъ охотно уѣхалъ бы въ Москву, къ своей Акприсѣ, если бы приличіе не обязывало его ожидать въ здорвленія дочери. Его корешкіе знакомые, не сполько съ учаспіемъ, сколько съ любопытствомъ спарались вывѣдать отъ него, что было поводомъ къ такому разспроисиву, послѣ счастливой помолвки?

Князь Любскій не измѣнилъ своей клятвѣ и не открылъ тайны Славины. Онъ отвѣчалъ одно: »Они хотѣли присвоить себѣ полную власть надъ моею дочерью. Опияли у меня ее съ молодыхъ лѣтъ; давали ей средства амуригся съ человѣкомъ, который мнѣ не нравился; потомъ сосватали ее безъ моего вѣдома; вынудили меня сюда прѣхать и согласиться на это сватовство. И послѣ всего этого начали меня бранить и спращать! Я не вытерпѣлъ этого. Вошъ весь секретъ!... Спранные люди! думаютъ, что ихъ знашность и извѣстность даютъ имъ право располагать волею родителей! Я доказалъ имъ прошивное.» Но за что же Княжна лишается любимого ею жениха? спрашивали многіе. За что она должна спрадать?—»Какое шутъ спраданіе, оп-

вѣчалъ Князь. Фанпазія, романическая склонность, круженіе головы осьмнадцатилѣтней дѣвочки!... Великая важность! Это все пройдетъ! Въ женихахъ у нее вѣрно не будетъ недосадка. Она молода, богата, находится при Дворѣ, и знаменитаго происхожденія. Въ добавокъ къ тому, она очень хороша собою. Найдутся обожатели, конечно Славина! На счетъ замужества моей дочери я спокоенъ.»

Такъ ли былъ спокоенъ спрдадецъ Славинъ? — Покорившись волѣ Провидѣнія, ожидая съ шрепешомъ рѣшенія своей участи, не питая никакой надежды, и созидая въ пылкомъ воображеніи всевозможные ужасы, гоненія, даже убійства, происходящія... не извѣстно отъ чего — Славинъ не оказывалъ ни малѣйшаго признака смятенія духа. Охот-

но являлся онъ на вечеринкахъ и любезничалъ съ прекраснымъ поломъ; военные пріятели не видѣли въ немъ никакой переменъ; онъ былъ все шомъ же Славинъ, умный и добрый; только ему наскучило пребываніе въ опдаленномъ, малоизвѣстномъ городѣ. Вотъ почему онъ сдѣлался нѣсколько мраченъ. Такъ полагали ознакомившіеся съ сподичною жизнью.

Евгенія съ безпокойствомъ смотрѣла на своего брата. Ея утѣшенія были недѣйствительны. Викторъ просилъ не мучить его, повтореніемъ одного и того же. »Я спокоенъ, говорилъ онъ. Что еще надобно?« Сердце доброй Евгеніи раздиралось, глядя на это спокойствіе. »Онъ спокоенъ какъ волканъ, думала она. Когда перемишались всѣ губительныя вещешва, со-

крышыя въ его нѣдрахъ — тогда ничто не удержишь разрушительнаго воспламененія! Горе мнѣ! горе!.....»

И пришло горе!

»Викторъ Ипполитовичъ, къ вамъ есть письмо изъ Петербурга и посылка, сказалъ супругъ Евгеніи, прѣхавшій изъ почтовой Конторы.»

— Письмо и посылка? Понимаю, отвѣчалъ Славинъ. Вѣроятно небольшая коробочка, со вложеніемъ какойнибудь вещи, рублей въ двѣсти или въ триста?

»Въ триста рублей. Не знаю, что за вещь.»

— Я знаю! Золотое кольцо съ алмазомъ. Этого подарка я давно ожидаю. Увидите, что я не ошибся.

Посланный возвратился изъ почтовой Конторы и подалъ письмо.

»Самъ Князь изволилъ писать, ска-

залъ Славинъ, глядя на адресъ. Много его снисхожденія ко мнѣ!—А посылка?»

Слуга подалъ коробочку зашитую въ клѣнку.—Славинъ сорвалъ оберпку и вынулъ знакомое кольцо.

»Вошъ оно, вошъ шалисманъ, залогъ моей вѣрной любви! Въ первую минушу объясненія, оно послужило мнѣ для таинственнаго обрученія. Софья клялась мнѣ, что никогда не распанется съ этимъ кольцомъ. Софья забыла въ то время, что она смертная, зависящая отъ опредѣленій судьбы; она не догадалась, что есть люди, коихъ неисповѣдимое Провидѣніе избираетъ орудіемъ своего гнѣва!... Софья не обманула меня. Обоихъ насъ обманула превращеность счастья. Помню ту блаженную минушу, когда моя возлюбленная, подруга души

моей, приняла опъ меня эту эмблему вѣчности! Поди опять на старое мѣсто, безмолвный свидѣтель счастливѣйшей години моего бытія! Теперь, я не разстанусь съ тобою до могилы, и лишь только пересуплю за врата смерти — ты вторично доспанешься моей Софѣ. — Прочитай было, что пишешь ко мнѣ мой милоспивѣйшій пещюшка?

.... *Викторъ Ипполитовичъ!*

»Прекрасное, преучливое начало! Даже и обыкновенное: Милоспивый Государь! не выспавлено. Впрочемъ, нечему дивиться: это пишешь Русскій Князь къ бѣдному Киргизцу. Посмотримъ далѣе.

.... *Вы конечно можете угадать содержаніе и цѣль этого письма....*

»Онъ, я думаю, долго ломалъ го-

лову, сочиняя эпу велемудрую фразу....

.... Дочь моя, по известной вамъ причинѣ, не можетъ быть вашею женою.

»Вѣрю! вѣрю!«

.... Отсылаетъ къ вамъ обратно кольцо, полученное отъ васъ.

»Получилъ, Сіятедьнѣйшій! исправно получилъ, и знаю, кому я эпимъ обязанъ.«

.... На счетъ вашей тайны будьте спокойны, и вѣрьте въ селѣ слуха честному слову Князя Павла Любскаго.

»Коротко и ясно! Какая честность со стороны Его Сіяшельства! Обѣщаетъ мнѣ ни кому не объявлять тайны, которую я могъ бы скрыть отъ него! А я, глупецъ, надѣялся, что эпошъ благородный послушокъ возвыситъ меня въ его мнѣ-

ніи!... Такъ - то поступаетъ со-
членъ общества образованнаго, ко-
торое безпрестанно швердишъ о
добродѣтели!... Родина моя! Спешь
кочующихъ Киргизъ - Кайсаковъ! за-
чѣмъ я не оспаясь въ средѣ шво-
ихъ бродящихъ обшпашелей!»

— Викпюръ, Викпюръ! развѣ ты
думаешь, что нѣтъ Провидѣнія,
сказала Евгенія?

»Знаю, что есть, милая Женни!
Но извѣстно и то, что судьбы
этого Провидѣнія — непоспизи-
мы. Оно терпимъ на землѣ ядови-
ныхъ гадовъ; Оно допускаетъ ужа-
сныя болѣзни, опустошительныя
дѣйсвія атмосферы; Оно окружа-
етъ насъ опасностями и между
тѣмъ научаетъ, какъ предостере-
гать себя отъ нихъ. Я былъ мла-
денцемъ на груди голодной и из-

неможенной матери. Смерть предстояла мнѣ каждую минушу. Провидѣнію угодно было не только сохранить, но и возвысить меня. Кто узнаетъ въ моей особѣ несчастнаго Киргизца, проданнаго отъ нужды? Но это же самое Провидѣніе, заспавляетъ меня нынѣ испить до дна чашу горести. Да совершится свяшая воля Создавшаго меня! Если Онъ терпитъ въ міръ семъ какого нибудь Князя Любскаго, который — по естеству своему, хуже всѣхъ гадовъ; то не мнѣ, бѣдному смертному, прописишься опредѣленіямъ Промысла. Угодно Богу, чѣмъ я страдаю — спрадаю!»

— Все это похоже на рошпаніе, мой другъ, а рошпаніе есть пляжкою грѣхъ. Кто теряетъ надежду на милосердіе Божіе, тотъ ли-

шается покровительства Творца; того самъ Богъ предастъ его судьбѣ. Имѣй болѣе швердоспи, мужайся, и всегда помни утѣшительное правило, что доколѣ человекъ живъ, то нѣтъ такого бѣдспвія, нѣтъ такой потери, кошорая не могла бы исправиться или замѣнившись чѣмъ нибудь лучшимъ.

Гораздо легче подавать полезные совѣты, нежели имъ слѣдовать. Славинъ рѣшился опъ всѣхъ скрывать свою горестъ и пишать оную наединѣ. Предъ окончаніемъ срока своего отпуска, онъ простился съ плачущею сесипрою, кошорая какъ будто предчувствовала, что болѣе его не увидитъ, и поѣхалъ черезъ Нижній Новгородъ, тою самою дорогою, кошорою везли его малолѣтняго. »Тогда меня встрѣчали счасіе и новая жизнь; теперь

я ѣду на опчаяніе и смернь.» По-
прибытіи въ Пешербургъ, Славину
сдѣлалось гораздо легче: онъ уз-
налъ, что Князь Любскій увезъ
дочь свою въ Москву. »По крайней
мѣрѣ, я не буду встрѣчаться съ
нею, не буду съ душевнымъ терза-
ніемъ сморѣть на похищенное у
меня сокровище!»

Уныло встрѣпили его поваринци,
но шѣмъ не менѣе уважили его
скорбь, и избавили опѣ мучитель-
ныхъ распросовъ и опѣ досаждаю-
щихъ сожалѣній. — Графъ Рѣши-
мовъ самъ прѣхалъ къ Славину,
лишь только узналъ о его прибы-
тіи. — Увидя этого почтеннаго
человѣка, Викторъ не могъ удер-
жаться и заплакалъ. Графъ обнялъ
его и также распротавившись до
слезъ, началъ утѣшать его и по-
давать ему надежду. »Объ Споллицы

въ негодованіи на этого дурака, говорилъ онъ; а въ Москвѣ, его даже не принимающъ къ себѣ многіе изъ прежнихъ знакомыхъ. Это лучше всего подѣйствуетъ на него. Имѣй только терпѣніе, мой другъ! И я тебѣ ручаюсь, что все это переменится.» Увы! сердце Славина говорило ему, что онъ никогда не дождеіся этой счастливой перемены!...

Славинъ не отказывался отъ общесіва, но гораздо рѣже являлся въ ономъ. Пріятнѣйшимъ его провожденіемъ времени, была беседа съ дѣшми его Генерала, и съ прѣхавшимъ изъ Москвы молодымъ Викноромъ.» У нихъ души еще не заражены пороками и предразсудками, говорилъ Славинъ шѣмъ, которые удивлялись его отомъ занимающъ дѣшми. Они не распространяющъ чу-

жаго счастья; они подобны Ангеламъ своею непорочностью, а въ бесѣдѣ съ небесными жителями, какъ-то забывающіяся земныя спираданія!»

Такъ провелъ Славинъ всю зиму, безпресшанно пиная грусь, его сѣдавшую. Наконецъ, съ приближеніемъ Святой Пасхи, досновѣрно узнали въ Пешербургѣ, что недавно потушенный пламень войны, долженъ съ бѣльшею яростью возгорѣться съ другой стороны. Лучъ радости блеснулъ на лицѣ Славина. «Это смерть, подумалъ онъ, и смерть славная! Князь Любскій не удосвоится той чести, что бы насъ за опечесиво на полѣ брани. Умереть онъ неваренія желудка, распроеннаго неумѣренностью и лѣнью — вошь эта участь его ожидаетъ!»

Наконецъ, призывная труба увлекла храбрыхъ воиновъ въ опдаленныя спраны нашего опечеспва. »Опяшь спепь! сказалъ Славинъ, вспуная въ предѣлы Новороссійскаго края. Спепь была моею колыбелью, спепь будепъ моею могилою!»

Г Л А В А V.

К А З А К Ъ.

Варна. 9-го Октября 1829.

»Варна взята! Кричи: ура, любезный другъ! Если мы еще возьмемъ Шумлу, то Балканскія горы покажутся намъ кочками, черезъ кошорья всякій изъ насъ перешагнетъ очень легко, подобно тому, какъ наши въ 1813 году шагали черезъ Дунай въ Швабін, у самого его источника. Теперь мы перешагнули черезъ устье того же Дуная, а горы.... для насъ пустяки! Мы ихъ сроемъ лопатами и кирками нашихъ Саперовъ! Ура, дружище, ура! Кричи ура, да и шолько! Вольно же

шебѣ было присосѣдись къ чер-
нильной работѣ и изъ храбраго
солдаша превратишься въ приказ-
ную спроку. Самъ шы виновашъ!
Погулялъ бы съ нами, насладился
бы нашими походными удовольстві-
ями, и взиралъ бы на наши подвѣ-
ги съ такимъ восшоргомъ, кошо-
рое, право, можетъ назваться рай-
скимъ блаженствомъ. Ты скажешь:
въ Пинерѣ я спокоенъ и сытъ.
Есть и кваршира, есть и вкусный
обѣдъ, ошъ непогоды закрытъ,
сильно сколько мнѣ нужно, ѣмъ ко-
гда хочу и что хочу, гуляю когда
есть время и проч. и проч. Знай
же, сполничный Сибаришъ, что и
мы наслаждаемся сими удобствами,
лучше нежели вы, пошому что для
насъ они имѣютъ большую цѣну,
послѣ походныхъ шрудовъ. Если
шы чипалъ описаніе знаменишаго

путешествія Императрицы Екатерины, въ Новороссійской край, если ты принималъ оное за сказку волшебную, очаровательную, заимствованную изъ разсказовъ много-рѣчивой Шехеразады, то повѣрь, что всѣ повѣствованія объ этомъ, все то, что описали намъ Делии и Сегюръ—могутъ назваться побасенками для малыхъ дѣтей, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ. Путешествіе Монархини, по областямъ своей Имперіи! Великая диковина, что роскошь Двора и Снолицы вездѣ слѣдовала за нею! Государыню, встрѣчали Король Польской и великолѣпный Князь Тавриды, какъ назывался Пошемкина Державинъ. Имъ можно было пригласить на эту встрѣчу всѣхъ баснословныхъ духовъ Ирана, всѣхъ боговъ Олимпа, и всевозможныхъ

благодѣтельныхъ волшебницъ. У нихъ въ рукахъ были Алладиновы лампадки! А нашу солдатскую дружину встрѣчаютъ только пули, да Турецкія сабли, и въ какой споронѣ! Обозженной палящимъ солнцемъ, необразованной, почти безплодной, и со всѣмъ тѣмъ мы имѣемъ все то, что нѣжишь прихотливую жизнь обитателей роскошныхъ столицъ! Я не лгу! Пріѣзжай къ намъ въ гости, подь Варну, на берега Чернаго моря. Увидишь самъ. Хочешь полакомиться вкуснымъ обѣдомъ, съ наилучшимъ десертомъ, какого вѣрно не найдешь въ Милюпиныхъ лавкахъ? Милости просимъ къ намъ! Хочешь выпить Шампанскаго Эпернейскаго или Ан? Угощу тебя въ минуточку. Нужно тебѣ купить перочинный ножикъ или цѣпочку для часовъ? Найдешь здѣсь

такіе же, какъ въ магазинахъ Невскаго проспекта. Едва ли ты мнѣ повѣришь, но все это правда. Я самъ не рѣдко прихожу въ недоумѣніе, мнѣ самому кажется, что я все это вижу во снѣ!... Боже мой! въ томъ ли мы краю, гдѣ нѣкогда воюющіе наши опцы, принуждены были питаться одними сухарями!... По географической картѣ выходишь, что мы находимся почто тамъ. Нѣтъ, дружище! Если эта кампанія будетъ описана свѣдущимъ и умнымъ человекомъ, то потомство едва ли не посчитаетъ такое повѣствованіе въ числѣ вымысловъ. Повторяю тебѣ: самъ вижу, глазамъ не вѣрю!... Недавно разговаривая я съ однимъ Полковникомъ Польской арміи, который служилъ еще при Наполеонѣ, и бывалъ съ его войскомъ въ ты-

сичѣ и одномѣ походѣ. По свидѣ-
тельствству его, ни въ Германіи, ни
въ Италіи, ни въ Испаніи, ни въ
одной изъ самыхъ образованныхъ
странъ Европы, не находилъ онъ
такого довольства, какъ подъ стѣ-
нами крѣпости, защищаемой полу-
дикимъ народомъ. То ли было подѣ
Варною, когда храбрый Владиславъ
положилъ здѣсь голову!....

»Кспани о храбрыхъ, положившихъ
головы. — Именемъ многихъ Пешер-
бургскихъ домохозяевъ и дармо-
довъ, ты жалуешься на то, что
извѣстія о убитыхъ и умершихъ
не удовлетворяютъ ихъ желаніямъ.
Чего имъ хочется? Не много ли, что-
бы газеты были испещрены длин-
нѣйшими списками о падшихъ въ
сраженіяхъ? Знаю я ихъ братью!
Недавно пріѣхалъ сюда изъ Москвы
Коммисіаріатскій чиновникъ, и раз-

сказывалъ, что шамъ досужіе люди, языкомъ убили до двухъ сотъ тысячъ нашихъ храбрыхъ воиновъ!... Мы всѣ расхохотались услышавши о сихъ богатырскихъ подвигахъ нашихъ соотчичей!... Этимъ людямъ кажется, что насъ водятъ на войну, какъ скотину на убой, и если они такъ настоятельно пребываютъ огромныхъ списковъ убитыхъ, то это происходитъ не отъ участія, не отъ любви къ ближнему, а просто отъ бездѣлья, отъ охоты поговорить о чемъ нибудь. Дураки! сидѣли бы лучше за боспонскими столами! Они единственно для того живутъ на свѣтѣ, чтобы употреблять свой разумъ на разборъ картъ и на соображеніе игры. Вотъ напримѣръ, какой нибудь князь Любскій, являющій въ себѣ поношеніе Княжескаго званія.... Лишь

только я дописался до этого прокляшаго имени, то вся веселость моя исчезла!... А отъ чего? Сей часъ узнаешь.

»Любезный другъ! жизнь военнаго человека по справедливости можешь назваться блаженною, потому что ты, которые охотно идешь на смерть, умѣете лучше другихъ наслаждаться своимъ бытіемъ. Наши братья, солдаты, чужды вашихъ городскихъ изнѣженностей, слѣдовательно не знаютъ житейскихъ заботъ, которыя имѣютъ единственною цѣлью успокоеніе и лелеяніе бременаго нашего шѣла. Вамъ — какъ бы долго пожить; намъ — развѣ какъ бы не умереть скоро. Вы то и дѣло заботитесь о здоровьи, купаетесь въ лекарствахъ, и въ средѣ изобилія, отказываетесь отъ всѣхъ наслажденій, для того только

ко, чтобы поддержанъ ваше существованіе. Случится ли кому изъ ближнихъ вамъ людей лежанъ на смернномъ одрѣ? Вы все засуетитесь; начнете заботиться о немъ, что останется послѣ него? устроена ли участь его души? гдѣ его похоронить? кого опредѣлить опекуномъ къ его имѣнію? и тому подобное. Напротивъ того, мы такъ подружались со смернью, что она, по милости евоей, избавляетъ насъ отъ дѣшны, отъ лекарствъ и отъ погребальныхъ хлопотъ. Въ сраженіи, въ глазахъ нашихъ падетъ товарищъ, другъ, братъ — мы хладнокровно прикажемъ солдатамъ опенести его шѣлю, и взглянувши въ послѣдній разъ на сіи останки, скажемъ: прощай, братъ, до свиданія въ будущей жизни! Можетъ быть черезъ полчаса, мы сами оп-

правимся въ слѣдъ за тобою! — И
опять устремимъ яросные взоры
на врага!... Это равнодушіе происхо-
дитъ не отъ того, что мы
воинные, не были способны лю-
бить; и доказательствомъ сему слу-
житъ то, что мы спокойно взи-
рая на кончину пораженного на по-
лѣ брани, воспаменяемся желані-
емъ отмстить за него общимъ
врагамъ и одушевляемся неизъясни-
мою храбростью! Извини, любез-
ный другъ! я вижу самъ, что взялъ
не за свое дѣло, и пустился фи-
лософствовать, языкомъ непонят-
нымъ для меня самого и вѣроятно
очень скучнымъ для тебя. Ты зна-
ешь, что я лучше умѣю владѣть ме-
чемъ, нежели перомъ! Ну, по солдат-
ски скорѣе къ дѣлу, и вошь тебе зак-
люченіе моей диссертациі.

»Не бѣда, когда другъ и товарищъ

убишь роковою пулею. На это онъ шелъ, и Богъ съ нимъ. Но вошь бѣда, когда благородный, умный, храбрый молодой человекъ, общающій много и много, бываешь сраженъ глупою спѣсью какого нибудь надушаго осла, и преждевременною смернью своею лишаетъ опечесство вѣрнаго и полезнаго слуги. Такова была участь нашего милаго Славина!... Его уже нѣтъ въ живыхъ!... Онъ содѣлался жертвою великаго ума того двуногого живошного, которое называется у васъ Княземъ Любскимъ. Ты самъ зналъ и любилъ Славина, и вѣрно не поскучаешь подробнымъ описаніемъ тѣхъ общошесельствъ, которыя безвременно свели его въ могилу!...

»Со времени поѣздки своей въ Оренбургъ, гдѣ Славинъ узналъ, что глупый Князь, пользуясь его опечесствіемъ, вынудилъ дочь свою опказашь-

ся отъ любимаго ею жениха, нашъ бѣдный Викпоръ впалъ въ сильнѣйшую меланхолію. Ничто не могло его развлечь; онъ сдѣлался чуждымъ всего земнаго; гореснь его снѣдала, и мы даже полагали, что онъ рѣшился идти въ монастырь. Къ несчастію, случилось совсѣмъ другое. Онъ повредился въ умъ, и началъ бредить о Киргизской степи, о Киргизцахъ, о какой-то бѣдной Машренѣ и проч. Когда мы въ шутку называли его Татариномъ, — ты помнишь это прозваніе?... онъ прежде сего не сердился и даже самъ смѣясь называлъ себя законнымъ наследникомъ Чингисъ-Хановой Имперіи. Послѣ несчастной его поездки, или лучше сказать послѣ гнуснаго поступка негоднаго Любскаго, онъ уже не могъ терпѣть шутокъ своихъ товарищей.

»Эй, Тапаринъ! скажешь ему что-нибудь.« — Не Тапаринъ, отвѣчалъ онъ съ досадою, а Киргизъ-Кайсакъ, сынъ степей, опродѣ дикаго, ко-чующаго племени. — Впрочемъ, онъ былъ по обыкновенію исправенъ и дѣятеленъ на счетъ службы, и до кончины своей оспавался самымъ умнымъ, самымъ разсудительнымъ писцомъ нашихъ военныхъ бумагъ. Нашъ Генералъ, безъ вѣдома Славина, писалъ въ Оренбургъ къ его сестрѣ и просилъ ее открытъ ему тайну безпреспанныхъ бредней Виктора о какой-то Мапренѣ и о Киргизцахъ. Эта несчастная женщина, сильно огорченная сумасшествіемъ своего брата, отвѣчала, что вся тайна заключаея въ онказѣ Князя Любскаго; что Славинъ прежде полученія сего гибельнаго извѣстія, видѣлъ въ Оренбургъ одну Киргиз-

ку, кошорая покойнымъ ихъ опцемъ Хриспа ради была призрѣна въ день именинъ нашего Виктора, когда онъ имѣлъ не болѣе чешырехъ лѣтъ ошъ роду; что эпа женщина крестилась и вышла замужъ за двороваго челоѡка какого-то помѣщика; что Славинъ разспрашивалъ ее о Киргизской жизни и подарилъ ей сто рублей. Изъ всего видно, и пакъ заключающъ всѣ медики, что добрый Славинъ, сильно шронутый разсказами бѣдной Киргизки и въ поже время пораженный нечаяннымъ поснупкомъ глупаго Князя, ошъ задумчивости помѣшался на сихъ двухъ пунктахъ. Мы полагали, что походъ и бивачная жизнь разсѣяшъ его; Генераль клялся ему, что онъ упопребитъ всѣ сшаранія для того, чшобъ помочь его горю, увѣрялъ,

что еще не все пропало, что можно будет найти таки средства, и содействія такихъ Особъ, предъ которыми тысячи глухихъ Князей съ покорностию падутъ ницъ. Ничего не подѣйствовало! Безнадежный Славинъ началъ видимо худѣть. Какой-то изнурительный недугъ ежечасно сокрушалъ его болѣе и болѣе. Предъ кампанією ему предлагали ѣхать въ Цюрихъ и лечиться. Объ этомъ онъ слышать не хотѣлъ. «Мнѣ суждено умереть на полѣ чести!...» Таковъ былъ обыкновенный его оповѣтъ, на всѣ убѣжденія Генерала и товарищей. — Въ походъ онъ казался иногда веселымъ; это насъ радовало; мы уже надѣялись, что перемена климата излѣлитъ его совершенно.... Лишь только вошли мы въ Бессарабскія степи, то меланхолія бѣдна-

го Славина усилилась и сумасшествіе его достигло высшей степени. При всемъ этомъ замѣтно было, что его природный, необычайный умъ боролся съ болѣзнію. Въ сраженіяхъ мы боялись за Славина, полагая что опчаяніе заславившъ его безразсудно вдавался въ опасности, и вмѣсто сего, мы видѣли въ немъ офицера храбраго, но осторожнаго и не мало не теряющаго хладнокровнаго присущаго духа. При свистѣ пуль и ядеръ, онъ разсуждалъ такъ спокойно, какъ въ Петербургѣ, въ своемъ кабинетѣ. Никто изъ нашего штаба не исполнялъ такъ хорошо различныхъ порученій. У Славина все было обдуманно, все предвидѣно, все рассчитано и каждая командировка была совершена съ успѣхомъ. Казалось, военное счастье хотѣло его утѣшить.

Въ два мѣсяца кампаніи, Славинъ получилъ Георгія и Владиміра, и всѣ сознались въ шомъ, что онъ былъ достоинъ сихъ наградъ. Во время дѣйствія, онъ забывалъ и степи, и Киргизцевъ, и Машрену, и всѣ причуды своего безумія. Но когда мы останавливались на нѣсколько дней, оныя начинались пѣже бредни, непонятныя, мансиивенныя, похожія на завязку романа. Воишь, напри-мѣръ, что случилось съ нимъ въ моемъ присутствіи, вскорѣ послѣ переправы чрезъ Дунай.

»Ему приказано было принимать всѣ бумаги, посылаемыя къ намъ изъ разныхъ мѣстъ. Однажды, въ восемь часовъ утра, онъ сидѣлъ въ палаткѣ и брился предъ зеркаломъ. Входитъ Казакъ и подаетъ ему пакетъ. Славинъ, упиравшій полошеницомъ бо-

роду, обернулся и вдругъ съ испугомъ устремилъ взоры на Казака. Иась было челоуѣка чешыре. Мы также начали разсматривать этого пришельца. Казакъ, какъ Казакъ! ничего не было въ немъ страннаго. Борода съ просѣдью, лице опаленное порохомъ.... Вглядываясь внимательно, мы въ чертахъ его лица замѣтили большое сходство съ Славинымъ, кошорый между шѣмъ нѣсколько разъ оборачивался по къ зеркалу, по къ Казаку, какъ будто сличая объ фizioноміи. — Ты изъ Уральскихъ? съ живостью спросилъ онъ Казака. — «Изъ Уральскихъ, Ваше Высокоблагородіе.» — Какъ тебя зовушь? — «Ермолай Хнычкинъ.» — Такъ и ешь! это онъ, пробормоталъ Славинъ. Давно ли у тебя лицо опалено порохомъ? — «Будетъ годовъ придцать, Ваше Высокоблагородіе.»

родіе.» — У тебя въ то время жила дѣвка, Киргизка? — Изумленный Казакъ не отвѣчалъ ни слова. — Говори же! была у тебя Киргизка? — »Была, Ваше Высокоблагородіе.» — Ты женатъ? — »Женатъ.» — Дѣти есть? — »Два сына.» — Гдѣ они? — »Одинъ дома, женатый; другой, помоложе, на Кавказской линіи. — Вдругъ Славинъ вскочилъ и обнялъ Казака; съ горячими слезами поцѣловалъ онъ его въ обѣ щеки, и вынувши изъ шкапулки два свертка червонцовъ, отдалъ ему. «Вотъ, сказалъ онъ, возьми! отдай это своимъ сыновьямъ. Тутъ болѣе двухъ тысячъ рублей. Только завѣщай имъ никогда не соблазнять бѣдныхъ дѣвушекъ. Поди! и не показывайся мнѣ болѣе на глаза!» Казакъ хотѣлъ поцѣловать его руку, но Славинъ дико закричалъ: «Ишь!

эпо мнѣ надлежало бы сдѣлать.
Казачъ ушелъ....

»Повѣрь, любезный другъ, что мы сами были въ это время похожи на сумасшедшихъ. Намъ казалось, что мы видимъ таинственную сцену изъ Шмекской трагедіи, разыгранную искусными Актерами. Никто изъ насъ не смѣлъ спрашивать Славина, который занялся чтеніемъ бумагъ. Между тѣмъ слезы капали по его лицу. Уважая несчастное его положеніе, мы сидѣли безмолвно, ожидая вѣроятнаго припадка безумія. Въсѣмъ изъ этого мы были удивлены, видя что онъ преспокойно велѣлъ подать мундиръ и собравши бумаги, отправился къ Генералу. — Съ этого дня его помѣшательство взяло другое направленіе. Въсѣмъ бѣдной Машрены, безпрестанно вершѣлся у него

*

на языкъ эшотъ проклятый Хныч-
никъ. »Два брата и двѣ сестры,
швердилъ онъ очень часшо. Одни—
Хнычкины; а о фамиліи другихъ я
не освѣдомился. Хнычкинъ! славное
прозваніе! Какъ леспно Русской
Княжнѣ сдѣлапья мадамъ Хнычки-
ной! и проч.» — Всѣ мы, почти со
слезами, просили Карла Богданови-
ча помочъ ему; но эшотъ иску-
сный врачъ всегда отвѣчалъ одно
и поже: »Онъ болѣнъ сердцемъ и
воображеніемъ. У него не иное
чшо, какъ нпохондріа, происходящая
отъ безнадежной любви. Если его
сердечныя обшояшельснва будущъ
имѣнъ благопріятный переворотъ,
то онъ излечнпся безъ медицины.
А теперь, никакая власнъ человѣ-
ческая не можешъ ею испѣлишь. Я
могу только сожалѣть о немъ и
надѣлпться на благоснъ Провидѣнія!»

Признайся, любезный другъ, что эта резолюція была очень не утѣшительна для насъ. Мы видѣли, какъ гибнетъ нашъ товарищъ и не въ силахъ были ему помочь. Горестно было и наше положеніе! А Генералъ едва ли такъ грустилъ объ оставшихся въ Петербургѣ дѣтяхъ, какъ о бѣдномъ Славинѣ.

»Однажды возсіяло было для насъ лучъ надежды. — Мы уже стояли подъ Варною. Славинъ былъ занятъ съ утра до вечера. Повидимому, Киргизка и Казакъ, чтобы ихъ не легкая взяла! — были имъ совершенно забыты. — Въ свободное время, подъ вечеръ, онъ охотно посѣщалъ ресторационную палатку Вебера, и если кто изъ нашей безденежной дружины просилъ его чѣмъ либо угостить, то онъ съ видимымъ удовольствіемъ поспѣшивалъ

знакомаго и незнакомаго, и вынувши кошелекъ съ червонцами, расплачивался съ хозяиномъ очень весело, спрашивалъ его о барышахъ и проч. — Случилось какъ-то, что нашему бормопуну, Николаю Ивановичу, удалось выиграть въ Квиндичъ шестьдесятъ червонцовъ. Ты знаешь этого пріятеля? легко догадаешься, что лишь попались ему деньги, то сей часъ пошла попойка. Мы всѣ сидѣли у Вебера. Нашъ косой бормопунъ вбѣжалъ съ шоржесивеннымъ видомъ, и побрякивая червонцами, спросилъ чешыре бушылки *искрометнаго* (такъ называемъ мы здѣсь Шампанское). Пошло разливное море! Николай, рассказывалъ всѣмъ, какъ счастье ему благопріятствовало. Игралъ онъ съ какимъ-то Кавалеристомъ; тотъ на четверкъ предложилъ ему *рестъ*;

нашъ—согласился; открыли карты; у Николая — пятнадцать; онъ забралъ всѣ деньги и забасповалъ. Я ничего не понялъ, потому что не знаю этой игры!—Сверхъ того Николай такъ бормоталъ, что едва ли бы самый опытный картежникъ могъ его понять. Стаканами пили мы Шампанское за здоровье выигравшаго. Славинъ былъ шутъ и задумчиво курилъ трубку. Ему предложили вина. Онъ не отказался. Вдругъ вошелъ въ комнату нашъ долговязый Аудишоръ Василій Ларионовичъ, и спалъ пропивъ Николая, какъ привидѣнiе. — «Ну что, братъ, сказалъ онъ, по обыкновенiю выговаривая букву р? — Ничего, бгашъ? отвѣчалъ Николай.—»Ты выигралъ шестидесятъ червонцевъ....» — Чехонцевъ, насмѣшливо повторилъ бормотунъ. — «Нечего шу-

пишъ! Не угодно ли будете мнѣ заплашишь двадцать пять....»—Изволь, бгашъ, опвѣчалъ Николай, вынимая изъ кармана червонцы. — «Вошъ шо-шо, повѣса, сказалъ спешенный Ларіоновичъ. Заведулся у него деньги, сей часъ промотаешь.» — Помошаешь, повпорилъ равнодушно Николай, устремля на него свои косые глаза. — «Да чшо ты меня дгазнишь, богмошунъ! Вѣдь самъ ты шолько и говогишь, чшо бугъ, бугъ, бугъ!»

При этомъ объявленіи бормошуна съ каршавымъ, мы всѣ захохотали. Славинъ смѣялся болѣе всѣхъ. «Безподобно! онъ закричалъ съ веселымъ видомъ! Вошъ по испинѣ краснобаи. Одинъ плавень—и краснорѣчивъ какъ Боссюешъ; другой — увлекашелекъ какъ Тальма. Нельзя ли вамъ еще поспоришь, Господа!» Повѣришь ли, лю-

безный другъ? Мы такъ обрадовались этой минутѣ веселости нашего товарища, что все единодушно начали справлять краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, которые, угадавши нашу мысль, спали въ запуски картавили и бормотали. Викторъ смѣялся отъ души!.. Наконецъ прекратился знаменитый диспутъ, и бормотунъ Николай, разливши искромешнаго, поднесъ одинъ стаканъ Славику. «Нѣтъ, братъ, довольно, право довольно. Я не могу много пить!» — Что за вздоръ! все пройденъ! Пей, Киргизъ-Казакъ! — Надобно было видѣть, какъ при этихъ словахъ измѣнилась физиономія Славики. Онъ поблѣднѣлъ, глаза его выкатились, а судорожныя движенія губъ еще болѣе придавали ужаса его похудѣвшему лицу. «Что ты сказалъ? спросилъ

онъ дикимъ голосомъ; какъ ты меня назвалъ? — Ну, какъ назвалъ? Киргизъ-Казакъ! Самъ же ты себя такъ называешь. — »Ты правъ! ты правъ, Николай! Именно! Я не Киргизъ-Кайсакъ, а Киргизъ-Казакъ, но есмь: смѣсь Киргизца съ Казакомъ. Давай Шампанскаго! Ты разрѣшилъ важную Этнографическую задачу. Слово: Казакъ, должно быть не иное что, испорченное: Кайсакъ, или можешь спастись на оборонѣ. Да! Я предсказываю, оспроуде этихъ двухъ племенъ, которыхъ происхождение мало извѣстно всѣмъ нашимъ историкамъ. За здоровье Киргизъ-Казаковъ!» Онъ вынулъ Шампанское и разбилъ объ землю стаканъ съ такою силою, что хрусталь разлетѣлся по поламъ. »Такъ было на моей помолвкѣ! сказалъ онъ. Сережа все это предвидѣлъ! Онъ раз-

билъ бокалъ, и меня увѣряли, что такой случай предвѣщаетъ супружеское счастье! Хорошо счастье! и проч. и проч.»

»Ты помнишь, любезный другъ, какъ мы зѣвали въ нашихъ масонскихъ собраніяхъ, когда высокопочтенный великій масперъ чинилъ намъ длинныя и скучныя речи о обязанностяхъ братьевъ. Тогда, все наше братство, составляло единодушное ожиданіе Иванова дня, когда можно было вдоволь изспрѣлаться краснымъ порокомъ.... ужъ подлинно по братски!... Если бы ты служилъ вмѣстѣ съ нами, то убѣдился бы въ томъ, что братство, не только масонское, но и архимасонское, существуетъ между военными. Въ нашемъ званіи, cadaго товарища можно уподобить члену одного плъа. Пора-

няшъ ухо, пашкамъ больно! Спра-
даешъ товарищъ — всей его бра-
тѣи горько! Не буду выславляшъ
себя героемъ дружбы, но не солгу,
если скажу, что вся наша артель
сходила съ ума вмѣстѣ съ Слави-
нымъ. Мы не столько пеклись о
себѣ, сколько объ немъ, и онъ же
за это сердился! Этошъ, прежде се-
го, добрый, милый товарищъ, сдѣ-
лался капризенъ какъ баба и замѣ-
чая нашу заботливостъ о немъ, съ
досадою говорилъ: »Вы ухаживаете
за мною какъ нянюшки. Напрасны
ваши шруды! Вы не можете мнѣ
помочь!...« Наконецъ настала роко-
вая минута, прекратившая его
спраданіи!

Вскорѣ послѣ разбишя лагеря
Омера Вріони (не припомню кото-
раго числа), нашъ Генералъ, въ со-
провожденіи всего своего штаба,

поѣхалъ на рекогносцировку Турецкихъ шанцовъ. Подобныя сему экспедиціи, мы называемъ прогулками. И подлинно!... Много, много чинъ просвищенъ сошны пуль, и десятокъ ядеръ перелетитъ черезъ головы. Не о чемъ даже рассказывать на *Цевскомъ проспектъ* — какъ называлось у насъ возвышеніе, гдѣ былъ расположенъ лагерь главной квартиры. Во время этой поѣздки, Генералъ завидѣлъ Кавалерійскій опрядъ. »Эпи чпо шамъ дѣлають? сказалъ онъ. Изъ какого они корпуса? Поѣзжай, Славинъ, узнай.« Славинъ прищипорилъ лошадь, поскакалъ къ опряду, и не болѣе какъ черезъ четверть часа воротился съ донесеніемъ, что это опрядъ изъ корпуса Герцога Виртембергскаго, посланный... для того и для другаго, о чемъ ты понятія не имѣешь, слѣдовательно и

описывать тебѣ, нѣтъ никакой надобности. Когда Славинъ рапортовалъ, мы слушали его съ такимъ любопытствомъ, что никто изъ насъ не замѣнилъ крови, текущей изъ его груди. »Ты раненъ?« сказалъ вдругъ Генералъ.» — Да, Ваше Высочество. Изъ шанца выстрѣлили по мнѣ, къ несчастію, очень не ловко. — »Поѣзжай въ лагерь, перевяжись.«

»По возвращеніи въ лагерь, мы все бросились къ раненому товарищу. Пуля ударила его въ ленту Георгіевскаго креста, скользнула по груди, пробила бантъ Владимірскаго ордена, и остановилась въ лѣвой рукѣ, ниже плеча. Карлъ Богдановичъ въ минуту ее вынулъ. Въ груди не было ни малѣйшаго поврежденія; кость руки была про-

нуша слегка. Орденскія ленты были окровавлены. Славинъ велѣлъ ихъ положить въ шкапулку. »Это ей, на память, сказалъ онъ.« — Кому, ей? спросили его. — »Самъ не знаю! У меня ихъ три. Доспанулся которойнибудь! Меня не будешь, останешься запекшаяся кровь на ленточкахъ знаковъ опличія, полученныхъ на полѣ чести. Всякій благомыслящій человекъ скажетъ, что кровь Славина не такъ подла, какъ думаютъ нѣкоторые Князья. Она проливалась за опечесство!« — Мы по возможности старались разсѣявъ эти горестныя воспоминанія о глупости Князя Любскаго. Карлъ Богдановичъ увѣрялъ насъ, что рана его, не только не опасна, но даже можешь назваться очень легкою. »У него голова всего опаснѣе, говорилъ онъ....« Медикъ сказалъ прав-

ду! Эшта несчастная голова похитила нашего милаго Славина!...

»Лихорадка, еспешивенное послѣдствіе раны, оказалась въ скоромъ времени; проклятая апохондрія усилилась; Славинъ началъ безумствовать не на шутку; не было ни связи, ни толку въ его разговорахъ; ему вдругъ впало въ мысль сочинять балладу; онъ безпрестанно твердилъ два стиха:

Киргизка бѣдная въ степи
Томила голодомъ и холодомъ....

«Болѣе не могъ онъ ничего придумать. »Въ степи, въ степи, говорилъ онъ съ сокрушеніемъ. Рифма не подходила! Можно только сказать: терпи. Да это должно быть послѣ! Терпишь суждено не Киргизкѣ, а ея младенцу! Какъ досадно, что я не могу играть на

Флейшъ. У меня есть такой прекрасный напевъ для эпической баллады. И послѣ сего онъ начиналъ пѣть эпическіе два несчастные стиха!... Помнишь ли ты, любезный другъ, когда назадъ тому года три, пріѣзжалъ къ намъ изъ Москвы извѣстный пѣвецъ Булаховъ? Помнишь ли ты, какъ однажды вечеромъ онъ пѣлъ дуэтомъ съ Славинымъ? Тогда мы не могли рѣшить, чей голосъ слышался: Московскаго Орфея, или нашего шоварища? Представь же теперь себѣ этого самаго Славина, лежащаго на болѣзненномъ одрѣ, дрожащимъ голосомъ напевающаго какую-то заунывную мелодію! Дико озирающагося на всѣ стороны.... О! нѣтъ! довольно. Я не буду тебѣ описывать эту плачевную зрѣлище. Въ двухъ словахъ объясню, чѣмъ все кончилось. Лихорадка произве-

да у Славина воспаленіе въ мозгу. Всѣ
пособія медицины были тщетны.

.....
Славинъ умеръ, въ прошедшій по-
недельникъ!...

»По кончинѣ добраго товарища, мы
открыли его шкапулку и нашли въ
ней завѣщаніе, писанное имъ предъ
походомъ. Изъ принадлежащаго ему
капитала, онъ назначилъ полмилліона
своей сестрѣ; болѣе двухъ сотъ ты-
сячъ опредѣлены имъ на разныя об-
щественныя заведенія; село Славин-
но завѣщалъ онъ обоимъ сыновьямъ
нашего Генерала. Княжнѣ Люб-
ской просилъ онъ доставить кольцо,
которое всегда носилъ на лѣ-
вомъ мизинцѣ. Генералъ, исполняв-
шій приказаніе похоронить
прахъ нашего товарища, въ село
Славинъ. Третьяго дня набальзами-
рованное его тѣло, отправлено на

корабль, въ Севастополь. Къ зимѣ оно прибудетъ въ Петербургъ. Ты вѣрно не откажешься вспрѣшить бранные ошашки человека, котораго, и ты, и всѣ мы любили!...

»Счастье! Счастье! мы за побою гор-
няемся, мы себя богопворимъ, мы
созидаемъ изъ себя какой-то кутиръ,
которому всеусердно поклоняемся!
Мы съ завистью глядимъ на своихъ
любимцевъ! Но, въ чемъ же ты состо-
ишь, божество плѣнительно воспе-
тое Державинымъ? Вошь онъ! вошь
твой фаворитъ, вошь Славинъ, ко-
торого ты осыпало своими дарами!
Онъ содѣлался жертвою глупости
такой гнусной пвари, которую ты,
Счастье! при всей твоей причудли-
вости, не удостоило бы даже лас-
коваго взрѣнія!... Чего не доста-
вало этому человеку? И богатство,
и умъ, и образованность, и оплич-

нѣйшія душевныя качества, копорые всѣх ставляли его любить! А быть всѣми любимымъ, не оспоримо есть величайшее блаженство въ сей жизни!... И онъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, между нѣмъ какъ глупая скопица, позоръ рода человѣческаго, причина всѣхъ бѣдъ ствѣй нашего милаго товарища, живешь, дышишь и ѣшь!... На то и созданъ, чтобы ѣшь!...

Извини, любезный другъ! Я опять не успѣлъ зафилософствоваться. Окончиваю мое длинное письмо, и прошу тебя объ одномъ. Если случай доведетъ тебя увидѣться съ Княземъ Любскимъ, то объяви ему, что я настоятельно требую отъ Его Высочайшаго Сіятельства, никогда не встрѣчаться со мною. Иначе быть бѣдѣ! Пусть меня разжалуютъ въ солдаты, пусть

сошлюшъ въ Сибирь, только и при
первомъ свиданіи съ энимъ болва-
номъ, разможжу ему голову эфесомъ
моей полусабли, пошому что клин-
ка онъ не достоинъ.—Прощай, дру-
жище! до свиданія, если я останусь
въ живыхъ!

Г Л А В А VI и последняя.

Письмо къ пріятельницѣ.

Въ 9 часовъ утра, въ Москвѣ, на Никипской, у педѣзда къ богатому дому, остановилась коляска, запряженная шестью ямскими лошадьми. Мгновенно выбѣжали служивые, и вытащили изъ оной толстого мужчину въ колпакъ и въ нанковомъ сюртукѣ. «Что? спросилъ пріѣзжій у низко кланяющихся людей; Анфиза Игнатъевна здѣсь?» — Здѣсь и съ барышней, отвѣчали ему почтительно. — Толстый баринъ побрелъ въ верхъ по лѣстницѣ, и при входѣ въ споловую былъ привѣтствованъ женою и дочерью. Малолѣтніе сыновья также выбѣ-

жали изъ класса, и цѣловали шучую руку своего папиньки.

»Водки и позавтракашь, промывчаль баринъ. Я только что напился чаю на Черной Грязи, и скорѣе отправился сюда!« — Дочь побѣжала въ переднюю, а баринъ, усѣвшись подлѣ супруги, началъ рассказывать о успѣхѣ своей поѣздки въ Пешербургъ. »Да что же тебѣ не даюшь, заревѣлъ онъ вдругъ?« — Сей часъ, сію мину! закричали всѣ домашніе, и мигомъ поставили на столъ такой завтракъ, копорый насыпиль бы, пол-эскадрона Кирасировъ. Баринъ началъ кушанье, безпрестанно выпивая по водки, по вина. Жена спрашивала его кое о чемъ, и въ отвѣтъ получала только: ма! или му! пошому что широкій ротъ барина слишкомъ прудился надъ кушаньемъ и языкъ его

не пользовался въ это время даромъ слова. Капли соусовъ выпадали изъ толстыхъ его губъ на шолстое брюхо, и жена, какъ заботливая няня, должна была безпрестанно утирать его. »Ухъ! завопилъ наконецъ толстый баринъ. Давай-те мнѣ трубку, да кружку портеру съ лимономъ. Жарко! мочи нѣтъ жарко!« — Ну, что, же мой другъ? спросила жена. Видѣлъ ли ты Настасью Григорьевну? — »Видѣлъ, видѣлъ! Всѣхъ, видѣлъ! Поклоновъ и писемъ цѣлая сошья. Гей! шкапулку!« — Папинька, вы опдали мое письмо Княжнѣ Софѣ? — »Разумѣешья что опдалъ и ошвѣтъ привезъ. Дали мнѣ какую-то посылку. Вишь ты, самая модная матерія тебѣ въ подарокъ. Сама теперь невѣста и кроишь и шьешь, и тебя хочешь наряжать! Жаль

что не выкинулъ эту дрянъ на дорогу! Го! го! го! го! захохоталъ шучный баринъ, а дочь поцѣловала его мясистую руку. — Шкапулку принесли. — Вотъ, сказалъ баринъ роясь въ бумагахъ, это.... тебѣ отъ Ванюши, а это, отъ Насиасы Григорьевны, а это отъ Князя Михайла Сидоровича и проч. А это, примолвилъ онъ наконецъ, вынувши шолковой пакетъ, написано по Французски: анъ мамъ бумъ шамъ.... Адель. Это твое, сказалъ онъ дочери. Видишь! цѣлая пещера! Нашъ братъ и о важномъ дѣлѣ столько не напишетъ. А дѣвки и о пряткахъ умѣютъ въ волю расписаться? Го! го! го! го!... Однако, поднимите меня. Я пойду, лягу отдохну до обѣда. А вечеромъ въ баню, въ баню!... Увели шучнаго барина, уложили, и Адель, взявши отъ

служителя послалъ, побѣжала въ свою комнату. Между тѣмъ какъ маминька и двѣ горничныя разсматривали и похваливали присланную обнову, Адель занялась чтеніемъ письма Княжны Любской.

С. Петербургъ. 20 Іюля, 1829.

»Ты ошибаешься, милая Адель! или лучше сказать, ты меня худо знаешь, что и не мудрено, потому что я теперь сама себя не знаю. Ты воображаешь меня похудѣвшею отъ горести, безпрестанно преданною задумчивости, на вѣки утратившею веселость и только проливающей слезы? О нѣтъ! милый другъ! Я не только не похудѣла, но даже подросла и, по увѣренію многихъ, похорошѣла; меланхолія меня не постигла; напротивъ, я очень весела и спокойна.

Я сдѣлалась нѣсколько степеннѣе; во мнѣ уже нѣтъ того ребячества, которое такъ нравилось.... Но это происходитъ отъ того, что я уже пришла въ совершенныя лѣта. Сверхъ того, при Дворѣ нельзя играть по дѣтски; надобно быть поважнѣе; а въ добавокъ къ тому, ты знаешь, что я скоро буду хозяйкою своего дома. Мнѣ предстоятъ также домашнія заботы. До рѣзвосты ли мнѣ теперь?

»Ты желаешь знать во всѣхъ подробностяхъ, кто таковъ мой женихъ? Я не могу дать тебѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я сама очень мало его знаю. Мнѣ его предложили, рекомендовали какъ человека очень хорошаго, который меня полюбилъ; я охотно отдала ему руку безъ сердца. Милая Адель! душа моя уже сочелась. А руку

мою бери кто хочешь. Съ радостью
опдала бы я ее и съ шлѣмомъ мо-
имъ махери землю, если бы смѣла
нарушить волю Всевышняго, обя-
завшаго меня пецись о земномъ
бытіи.... Вошь все, что могу тебѣ
сказать о будущемъ моемъ земномъ
супругѣ. Князь Радугинъ, Полков-
никъ, скоро будетъ Генераломъ,
имѣетъ двѣ тысячи душъ кресны-
янъ, довольно спаненъ, нѣсколько
дороденъ; онъ роду ему, какъ онъ
говоритъ, прицанъ нянъ лѣтъ;
носитъ очки, что мнѣ совсѣмъ не
нравится; воспитанъ на Француз-
скую спанъ и даже мало знакомъ
съ Русскимъ языкомъ. А это я знаю
вошь почему: въ званіи моего же-
жика, Князь Радугинъ прѣзжаетъ
къ намъ во всякое время и безъ
церемоній входитъ въ комнату
Графини. Однажды дворецкой при-

несъ тешинькѣ расходную книгу и
счеши. Графиня, также безъ цере-
моній, начала повѣрять расходы.
Князь, держа меня за руку, сказалъ,
что онъ самъ всегда записываешь
свои издержки, даже самыя мелоч-
ныя. »Спало бышь вы очень скупы,
сказала я съ усмѣшкою.«—О! нѣтъ!
я напрошивъ распочипелемъ, но
люблю порядокъ въ денежныхъ дѣ-
лахъ.—»А понимаю! вы намекаете
мнѣ, что я должна бышь такою же
разсчепливою хозяйкою, какъ и
тешинька.«—Съ чего вы это взяли?
Вопъ посмотрите, сказалъ онъ
вынувши изъ боковаго кармана кни-
жку. Вопъ вамъ мои расходы за цѣ-
лый мѣсяцъ.—Я взяла книжку и поч-
но нашла, что всѣ издержки были за-
писаны его рукою.... по Французски!
«Неужели вы и домашнихъ счетовъ
не можете записывать по Русски?

спросила я.» — Привычка! отвѣчалъ онъ. — Я подумала: погоди, мой голубчикъ! когда я буду твоею женою, то найду себѣ забаву въ горестной моей участи, или лучше сказать въ призракъ моей жизни. Я заставляю тебя учиться Русскому языку!... Впрочемъ, Князь очень любезенъ въ обращеніи, не хвастливъ, не надмененъ, даже слишкомъ ласковъ. Это мнѣ нравится. А лучше всего то, что онъ имѣетъ благородную душу. Тебѣ, милая, безцѣнная Адель, могу я открыть то происшествіе, которое, во мнѣніи моемъ, возвысило моего земнаго жениха, и вселило истинное уваженіе къ этому человеку, совершенно для меня чуждому.

»Назадъ тому недѣли двѣ, Лудины пригласили насъ къ себѣ въ деревню. Дача ихъ только въ двухъ вер-

спяхъ отъ Невы. Мы рѣшили, что лучше отправимся шуда на шлюпкѣ. Мой Князь позаботился объ этомъ, и въ семь часовъ утра мы уже неслись по нашей величественной Невѣ. Утро было тихое и ясное. Воздухъ свѣжій.... Мы должны были выйти на берегъ не ближе, какъ во второмъ часу, и рѣшились, для возбужденія аппетита, пройти пѣшкомъ остальныя двѣ версты. Лишь только поравнялись мы съ Охтою, гребцы оставили весла и напаянули паруса. Шлюпка качалась такъ скоро и плавно!... Графиня начала дремать, а дядинька курилъ трубку. Князь Радугинъ также молчалъ, и глядѣлъ на мелькающія окрестности. Я невольно склонила голову за борть и успремила взоры на гладкую поверхность прекрасной рѣки; ударяющіе

на оную лучи солнца показывали прозрачность ея воды. Я начала мечшашь. »Нева, Нева! думала я, безмолвная и тѣмъ не менѣе краснорѣчивая свидѣтельница премудрости Міроздашеля! что находишся во глубинѣ твоей? Какія особенныя свойства твоего дна сохраняютъ прозрачность и свѣжесть твоихъ водъ? Кто судилъ тебѣ быть благошворною спихією для жишелей пышной резиденціи? Съ какого времени обтекаешь ты сіи берега? Какіе давно исчезнувшіе съ лица земли народы, носились по водамъ твоимъ? Если и ты, Нева, сольешься наконецъ съ вѣчностью, то отвѣчай мнѣ пашь на мои вопросы!...—Все это очень смѣшно для тебя, милая Адель! Но ты не повѣришь!... Эти глупыя мечтанія, какъ - то улаждають душу. Я раз-

говаривала съ величественною природою, копорая опвѣчала мнѣ только явленіями своихъ красотъ, оппечатками премудрости Создателя.... Опять таинственная фраза!.... Я не могу порядочно рассказать!.... Словомъ, я не знаю, что во мнѣ происходило, только мнѣ было и грустно и весело, когда я бесѣдовала съ Невою. — Шлюбка наша причалила къ берегу. Я опомнилась, и поднявши глаза, увидѣла большое село съ каменною церковью, прекрасной архитектуры; въ лѣво видѣнъ былъ каменный господскій домъ и большой садъ. Насъ высадили; опъ Лудиныхъ былъ уже высланъ провожаемый, копорый ожидалъ насъ у самой приспани. Два лакея вели Графиню на гору, Графъ взялъ подъ руку моего жениха, а я шла одна подлѣ шепиньки. Что

это за деревня? спросила Графиня у провожатого. — «Село Славино, отвѣчалъ онъ.» — Я содрогнулась. Графиня посмотрѣла на мекъ съ печальнымъ видомъ!.... Дядинька и Князь не слыхали ничего. — Провожатый предложилъ намъ сѣсть въ коляску, присланную опѣ Лудиныхъ. У меня прошла охота идти пѣшкомъ; шешинька уснула, взбираясь на гору, и мы поехали.... У Лудиныхъ было намъ очень весело. Мы нашли тамъ большую компанію. Передъ обѣдомъ гуляли по саду, рѣзвились, играли въ кегли. Наконецъ насъ позвали къ столу; я казалась веселою и сѣла подлѣ моего жениха, котораго дружески брала за руку. Все это было прищворство, милая Аделинька, но прищворство позволительное. Я была въ недалекомъ разстояніи отъ его

могилы! Миѣ хотѣлось посмотреѣшь на послѣднее земное убѣжище того, кошорый ожидаетъ меня въ вѣчности. Миѣ желательнo было видѣнь то мѣсто, гдѣ почиваетъ мой супругъ. Да! мой супругъ!... Во время обѣда, я завела разговоръ объ окрестностяхъ, лѣсныхъ, болотистыхъ и очень скучныхъ; пошомъ объявила, что въ этомъ суровомъ климатѣ, гдѣ природа лишена всѣхъ прелестей другихъ странъ, миѣ нравились одна только Нева, рѣка истинно величественная. Дядинька сейчасъ началъ полкованъ о знакомыхъ ему: Дунаѣ, Рейнѣ, По и другихъ рѣкахъ. Я между шѣмъ, обратившись къ Машинькѣ Лудиной, предложила ей прогуляться по вѣ на нашей плюнкѣ, а мимоходомъ посмотреѣшь домъ и садъ въ Селѣ Славинѣ. »Ахъ! сказала Маша,

это стоить того, чтобы посмотреть. Какой садъ, какія оранжерей! — А всего любопытнѣе, выговорила мамзель Шульцъ, осмотрѣвъ домъ. Это настоящій Эрмишажъ! Князь Холмскій покупалъ самыя дорогія картины и антики; много есть и дареныхъ ему, отъ лучшихъ живописцевъ. Въ особенности прелестна Корреджіева картина, на которой изображенъ Амуръ, натягивающій тетиву своего лука. Достойны вниманія также большіе рисунки бисшромъ (au bistre), работы покойнаго Славина. Опдѣлка отличная! — «Поедемъ туда послѣ обѣда, сказала Кашинька.» — Поедемте! сказали мы всѣ въ одинъ голосъ. — Графиня взглянула на меня съ недовольною миною; дядинька казался даже сердитымъ. Ты легко поймешь, милая

Адель, что это значило?... Но Князь Радугинъ одобрилъ наше намѣреніе и самъ вызвался насъ провожать съ другими кавалерами. Это было по-видимому не иное что, какъ свѣтская учтивость съ его стороны. Но онъ сдѣлалъ еще лучше. Онъ догадался, что я желала видѣть въ селѣ не оранжереи и не Корреджіева Амура, а кое что другое. Онъ устроилъ нашу прогулку такимъ образомъ, что дамы должны были ѣхать въ коляскѣ, а мужчины верхомъ, и между нѣмъ, какъ мы будемъ разсматривать картины — кавалеры прогуляющіяся въ окрестностяхъ. Я пожала его руку истинно дружески и отъ чистаго сердца!... Мы поѣхали въ сопровожденіи моего жениха и другихъ молодыхъ людей. Я казалась чрезвычайно веселою и рѣзвою, но сердце мое билось такъ

сильно!... Иногда по всѣмъ жиламъ моимъ разливался такой холодъ, что я была похожа на человѣка, ожидающаго рѣшенія своей участи и между тѣмъ обязаннаго скрывать свои безпокойства. Все это мнѣ напомнило рассказанное намъ Лизею. Ты вѣрно не забыла, какъ она описывала намъ свое внутреннее безпокойство, когда ее вели къ вѣнцу. Мнѣ казалось, что и меня также везутъ въ церковь, для того, чтобы навѣки соединить съ любимымъ мнѣ человекомъ. Минутная пріятная и между тѣмъ спрашивающая... неизвѣстно почему!...

»Мы вѣхали въ прекраснѣйшую деревню, какая только можетъ быть въ окрестностяхъ нашего процвѣтающаго Пешербурга. Широкая улица, опрятные дома, все показывало довольство и благосостояніе

крестьянъ. Это село, въ полномъ
смыслѣ, достойно было имѣть сво-
имъ помѣщикомъ моего Славина.
Коляска остановилась у крыльца
большаго каменнаго дома. Наши ка-
валеры слѣзли съ лошадей, и въ
эпомъ слуга, Князь далъ мнѣ но-
вое доказательство своей любви.
«Вы уже насъ увольте, сказалъ онъ
дамамъ съ пріятною улыбкою. Тѣмъ
временемъ, какъ вы будете гулять
и разсматривать картины, мы по-
гадонируемъ на нашихъ коняхъ, и
черезъ часъ будемъ гоповы къ ва-
шимъ услугамъ.» Съ сими словами,
все они сѣли на лошадей и поскака-
ли со двора, въ сопровожденіи гром-
каго лая собакъ. Это заставило ме-
ня обернуться къ рѣшеткѣ, и я не-
вольно окинула глазами дворъ, хо-
тя мощный, но заросшій правою.
«Твой домъ запускать! подумала

я....» Къ счастію моему, мамзель Шульцъ, сей часъ послѣ обѣда надѣла свои глупыя очки, сѣла играть въ каршы и не поѣхала съ нами; а мои подруги, неохотницы до живониси — рѣзво побѣжали въ садъ. Старый управитель явился очень шоропливо, и когда лакей сказалъ ему, что «Ея Сіятельство, Княжна Софья Павловна Любская, желаетъ посмотришь каршины;» но добрый старикъ взглянулъ на меня съ такимъ горестнымъ и какъ будто упрекающимъ видомъ.... Я едва не упала въ обморокъ! Мнѣ показалось, что всѣ жищели этой стороны, имѣютъ полное право обвинять меня въ убіеніи ихъ господина. И подлинно! Я одна была причиною.... Нѣтъ! нѣтъ! меня влекла къ нему судьба!...

«Прохаживаясь по богатымъ ком-

нашамъ, великолѣпно опдѣланнымъ и меблированнымъ въ сшаринномъ вкусѣ, я опять припомнила мои запросы Невѣ. »Куда дѣвались тѣ, которые нѣкогда здѣсь наслаждались жизнью и всѣми ея удовольствіями!...« Между тѣмъ, управитель рассказалъ мнѣ, что въ такой-то залѣ давались покойнымъ Княземъ балы, что въ такой-то комнатѣ Его Сіятельства угощали завтракомъ Князя Потемкина-Таврическаго, что тушь-то былъ кабинетъ, а тамъ спальня Княгини, а здѣсь наконецъ — дѣтская. »Покажи мнѣ дѣтскую, сказала я съ живостью.«—Тамъ ничего нѣтъ, Ваше Сіятельство, отвѣчалъ управитель, отворяя ключемъ дверь. Я вошла въ комнату, обращенную окнами на Сѣверъ; холодный воздухъ повѣялъ на меня. Я увидѣла въ углу желѣзную кро-

вашъ, столъ закапанный чернилами, простой комодъ и нѣсколько стульевъ. »Когда Викторъ Ипполитовичъ былъ еще маленькой, сказалъ управитель, то онъ здѣсь почивалъ, и учился по упрямъ. Въ послѣдній свой прїѣздъ, онъ также ночевалъ въ этой комнатѣ.«
Что происходило со мною въ это время? Право не знаю! Я не грустила, не плакала, была.... не то чтобы задумчива.... а такъ.... Я оглядывала комнату, подходила къ столу, смотрѣла на капли чернилъ, поворачивала стулья, обитые черною кожею, нѣсколько испертую, и наконецъ подошла къ окну. Аделинка! другъ мой! Ангелъ мой!... что я увидѣла! На рамѣ было написано карандашемъ, по Французски: въ этой самой комнатѣ былъ усновленъ несчастный Викторъ! Моя

Софья! моя милая Софья!... Это было для меня посланіе съ того свѣта! Это онъ мнѣ говорилъ!... Облокопившись на окончину, я дала полную свободу моимъ слезамъ и нѣсколько минутъ пробыла въ семъ положеніи. Рыданія управившея заставили меня обернуться. Я подала руку доброму спарику, котораго поцѣловалъ оную съ неизъяснимымъ чувствомъ; безъ разговоровъ мы понимали другъ друга. — »Такъ ты его очень любишь? спросила я наконецъ.« Однѣ рыданія были его краснорѣчивымъ, утвердительнымъ отвѣтомъ. »Не угодно ли Вашему Сіятельству, осмотрѣть покон, которые онъ приказалъ было сдѣлать для... для васъ? докончилъ спарикъ въ полголоса.«

....«Мы сошли въ нижній этажъ, и дворецкій показалъ мнѣ анча-

мой брачный алтарь!... Я удвоила шаги и пришла въ церковь, въ сопровожденіи управителя. По окончаніи вечерни, управитель предложилъ мнѣ посмотрѣть придѣлъ, сооруженный покойнымъ Викторомъ Ипполиповичемъ. «Здѣсь служатъ по немъ панихиду, сказалъ онъ со вздохомъ. Этимъ богатымъ образомъ Божьей Матери всѣхъ скорбящихъ, благословила его покойная Княгиня. Викторъ Ипполиповичъ самъ здѣсь его поставилъ. Хотите извольте посмотрѣть, Ваше Сіятельство, прибавилъ онъ, указывая на небольшую бронзовую раму подъ образомъ....» Боже мой, милая Адель! что я увидѣла! За стекломъ висѣли два ордена на окровавленныхъ лентахъ! Такъ вотъ все, что осталось отъ него въ семъ мірѣ! Нѣсколько капель драгоценной крови, пролитой за славу оше-

честива! Я заплакала, а управившись зарыдала не на шутку. Это заснавило меня опомниться. Помолвившись передъ образомъ, я сказала, что пойду на его могилу. — Молча послѣдовать за мною упр. выпелъ. Подошедши къ памятнику, я поклонилась въ землю и послѣ облокотилась на саркофагъ. На бѣлой мраморной доскѣ написано было карандашемъ:

... Il était du monde, où les plus belles choses
Ont le pire destin...

— Это кто написалъ? спросила я. «Павелъ Пешровичъ, сынъ Генерала. Они какъ пріѣдутъ сюда въ праздникъ, то сей часъ бѣгутъ на могилу.» — Такъ вотъ моя пріемная, мой незабвенный другъ! подумала я. Хладная могила, вмѣстившая безмолвнаго хозяина! Побесѣ-

дуй же со мною, мой Викторъ, побѣдуй съ твоею вѣрною подругою! Я пришла тебя навѣспить въ новомъ твоемъ жилищѣ; пришла полюбовавшись на твое спокойствіе, позавидовавъ твоему сну безмятежному! Горячими слезами согрѣю я хладное твое ложе! Проснись, мой возлюбленный! порадуй твоею Софью, только однимъ ласковымъ видомъ! или расскажи ты мнѣ, какъ тебѣ тамъ весело, между тѣмъ какъ я спенаю надъ гробомъ твоимъ.... Во время сихъ размышленій, слезы мои лились ручьями, и вдругъ!... ты не повѣришь мнѣ, милая Аделя, но клянусь, что я не лгу!... то что ты теперь узнаешь, не была игра моего воображенія.... Вдругъ я перестала плакать и впала въ какую-то задумчивость, или лучше сказать, въ лешаргію. Я не думала

ни о чемъ; казалось, что даръ мысленія исчезъ въ моей головѣ. Сердце мое было согрѣто такимъ чувствомъ живѣйшаго удовольствія, такою радостью, которую мы иногда только ощущаемъ, когда послѣ долговременной разлуки увидимся съ любимыми особами. Онъ былъ близъ меня! Онъ со мною бесѣдовалъ! Онъ безмолвствовалъ, но сколько разъ при жизни его мы безмолвствуя наслаждались блаженствомъ взаимной любви! Эти ощущенія мнѣ знакомы! Это было ихъ повтореніе! Въ ушахъ моихъ какъ будто отдавалась какая-то плѣнительная гармонія; глаза мои не видѣли ничего.... Наконецъ небесный житецъ улетѣлъ отъ меня; земные предметы начали мелькать предо мною и я тогда только увидѣла пропавъ себя Князя Радугина, спявшаго

шущъ около четверти часа. Мнѣ было шакъ весело, душа моя шакъ освѣжилась, что я, не говоря ни слова, привѣшливо улыбнулась и подала Князю руку. Онъ какъ будто изумился моему спокойному и веселому виду. Медленно пошли мы съ нимъ въ садъ. »Княжна, сказалъ онъ мнѣ наконецъ по Французски. Я имѣю полное уваженіе къ вашей горести. Клянусь вамъ честью, что ежели бы шотъ, кошораго могла вы навѣщали, могъ разрушить заклепы гроба и предшашъ предъ нами съ прежними правами на вашу руку — я самъ подвелъ бы къ нему мою невѣсту и вручилъ бы ее жениху, достойному обладать ея сердцемъ. Но теперь должно стараться забыть невозвратимое! Не убивайте себя горестью, милая Княжна! не разсправляйте ранъ ва-

шего сердца.» Эти слова онъ произнесъ такъ убѣдительно, что я была ими пронута. »Не безпокойтесь, Князь, отвѣчала я. Рѣдко была я такъ далеко отъ горести, какъ теперь. Я довольна этимъ днемъ.» Тупъ я пожала ему руку и дружески прислонилась головою къ его плечу. Въ этомъ положеніи, мы догнали всю нашу компанію и пошли въ домъ пить чай. Я была довольно весела и очень ласкова съ Княземъ, которъ видимо блаженствовалъ. Съ послѣдними лучами заходящаго солнца, мы поѣхали въ Петербургъ. Дома я легла спать, довольная моимъ свиданіемъ съ нимъ и благороднымъ объясненіемъ съ Княземъ Радугинымъ. Почтенный человекъ! Если ты умѣешь уважать чужую скорбь, то умѣешь заставить себя уважать. Я не мо-

гу быть съ тобою счастлива, но
поспараюсь, чпобы ты былъ сча-
сливъ мною!.....

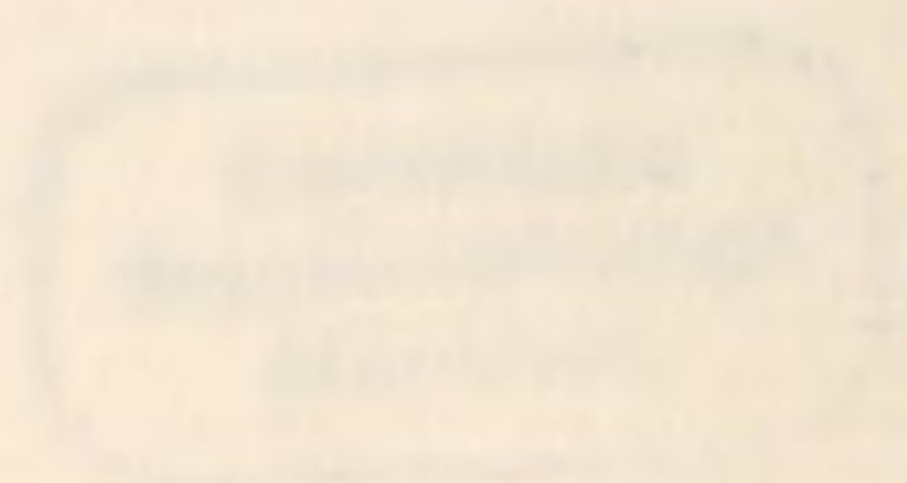
Посылаю тебѣ, милая Адель, и
проч....

К О Н Е Ц Ъ.

1888

THE BOARD OF MANAGERS, AND
THE BOARD OF DIRECTORS, OF THE
NEW YORK AND HUDSON RIVER
CANAL COMPANY, HAVE THE HONOR
TO ANNOUNCE THAT THE
CANAL WILL BE OPENED TO
TRAFFIC ON THE 1ST OF
JANUARY, 1888.

NEW YORK

Buchbinderei
SCHWAB
München

Ušakov, Vasilij A.

Kirgiz-Kajsak Pověst □

Bd.: 2. (1830). - 244 S.

Moskva 1830

P.o.russ. 79 v-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610133-0